

Снеталия
Морозова

Исцеление
любовью

Снеталия Морозова

Исцеление любовью

<https://litres.ru/74278599>

Аннотация

Стефания мечтает о ребенке и решается на авантюру, доверившись целительнице. Девушка попадает в другой мир, где, исцеляя владыку земель, сама исцеляется. Земная женщина окунается в непохожий на её привычный мир, но чувствует себя на своем месте, находит любовь и счастье. В книге много эротики, любви. Многомужество. ЖММ. В этой истории попаданкой будет не только главная героиня.

Содержание

1.	5
2.	10
3.	16
4.	22
5.	29
6.	37
7.	42
8.	49
9.	56
10.	63
11.	72
12.	79
13.	86
14.	93
15.	100
16.	109
17.	117
18.	125
19.	131
20.	135
21.	142
22.	150
23.	157

1.

- Насосут! Права купят! Прижмись правее, курица! Тупо-рылая овца, прижмись же!

Громкий сигнал ударил по мозгам, агрессивный, безжалостный, злой, противная физиономия в открывающемся окне орала на меня, а хозяин этой морды прижимал своей машиной мою к обочине.

«Урод! Мудак!»

Я не кричала ему в ответ - боялась, про себя обзывала водителя, конечно, как умела. Его серебристому JAECOO J7 помешала моя маленькая бордовая Skoda Octavia. Да, я купила её недавно, да, я плетусь иной раз как черепаха, и да, я выперлась на середину, но тут разметки нет. Сука, ненавижу мужиков, не мужики, а мудаки!

Остановилась на обочине у продавщицы, торгующей медом, орехами, грибами, ягодами. Живенькая женщина, лет 65, стояла под самодельным навесом, видно чьи-то заботливые руки позаботились об удобстве: стульчик со спинкой и мягкой подстилкой, переносной большой холодильник со столешницей, стоящий рядом с прилавком, на котором находились термос и ланч-бокс, айфон последней модели тут же, от чего мои брови взлетели удивленно.

- Тоже до Аглаи, красавица?

- Ага, - я выдохнула.

Мужик выбил из колеи, вот зачем потащилась в такую даль на машине, 350 км, ладно полтинник остался, уже почти приехала.

- Туалет там, - женщина недовольно показала в сторону леса.

И вправду под насыпью виднелись две наспех срубленные покосившиеся кабинки из необтесанных досок: М и Ж.

Я поплелась вниз, поскользнулась, прокатилась по траве задницей и разревелась. Вот столько держалась, а тут полилась слякоть.

«Ну, блядь, чё реву-то? А потому, что жизнь – дерьмо, Паша – чмо, Ирма не помогла, поверила в монашку – еду к ней за помощью, а что она сможет-то? на дороге обосрали. Тетка недовольная, что не купила ничего у неё. Было бы не так обидно, если бы насосала, я вообще не сосала никогда никому по-человечески, от души! Сама накопила, заработала, с рук купила машину».

Открыла скрипучую дверь, и слезы пропали моментом, запах отрезвил махом. Прокашлявшись, сразу включилась логика и здравый смысл: забыла взять влажные салфетки, в кармане нашла носовой платок – привычка с детства. Осмотрелась по сторонам, может в кустики все же лучше. Встретилась взглядом с торговкой – бесит, и зашла в преисподнюю, закрывая дверь за собой.

Пятьдесят км осталось до Аглаи этой, у неё и надо было сходить. Вот чего спустилась-то?

Я схватилась за устойчивые косяки, так мне показалось надежнее, молясь всем Богам, чтобы не провалиться в вонючую Нарнию, чуть присела, сосредоточилась и обоссала джинсы.

Пиздец, может сразу развернуться и домой уже, ну не складывается всё! Наспех оделась, задержав дыхание, и выскочила на свежий воздух, поплелась до бизнес-леди деревенской.

- Медку возьми. Попробовать хочешь?

Мне захотелось, как в детстве, макнуть корочку хрустящего белого хлеба в свежий липовый мед и запить молоком, аж слюни сглотнула.

Внимательная продавщица заметила, взяла салфетку – молодец, подняла чистое белоснежное полотенце, отломила кусок толстого мягкого лаваша и протянула мне, затем тонкой бесконечной струйкой влила в разовый пластиковый стаканчик мед, снова протянула мне. Я с жадностью опустила кусок лаваша в золотистую жидкость, и весь кусок с пчелиным нектаром захватила ртом. Закрыла глаза, сзади шум дороги стал сливаться, уходя на второй план, в нос ударило приятное першение, и я стала медленно жевать эликсир, подругому не скажешь. Ни мыслей, ни слуха, ни взора, я стояла закрытыми глазами и слушала только вкус. Блаженство! Я хочу быть медом, чтобы от меня балдели мужики, а не орали и не пользовались. Прожевав, проглотив, открыла глаза.

- Брать будешь?

- Давайте!

Я купила три баночки литровых разного меда у продавщицы, мешок земляники, какого-то травяного чая, что никогда не заваривала, потому что на это времени не было. Знаю, что через год, разхламляя ящики, выкину скорее всего его, но сейчас купила с мыслью, что обязательно его использую.

Мне захотелось поговорить с этой посторонней женщиной, наверное, потому, что такое послевкусие у меня сейчас внутри, будто стенки желудка обволакивает ароматная сладость.

- Спасибо вам! Хорошей вам торговли!

- Спасибо, красавица! А тебе мужика хорошего!

Я не ожидала такого напутствия, рассмеялась, но её слова так согрели мне душу.

- Спасибо!

- Давай!

Я оглянулась, за спиной припарковалась представительская машина, из салона вышел мужчина лет сорока, в строгом костюме, в руке папка кожаная, уверенно зашагал к нам. Лицо его было знакомое, может на выписке выдела, муж или отец мамочки какой-то.

Я уже настроилась отвоевывать у чиновников место под солнцем для этой женщины, защищая её права.

- Мария Павловна, подпишите, это «Ключи», я всё проверил, можно сотрудничать. Вас забирать, как договорились, в 16.00?

- Да, Саш, как договорились.

Мария Павловна достала очки из кармана, цепким и умным взглядом начала вчитываться в документы, что ей протянул Александр.

Только сейчас я обратила внимание на аккуратный маникюр с прозрачным лаком, под платком разглядела красивые мелированные пряди.

Села в машину и поехала дальше, поражаясь, как обманчиво может быть первое впечатление.

2.

Хорошего мужика...да, хочу. Да, где его взять только?

По дороге до Аглаи я стала опять рефлексировать, удари-лась в прошлое, вспоминая всё, что привело меня сейчас на эту трассу.

Всплывали картинки моего детства. Маленький сибир-ский городок в Новосибирской области, мои сто баллов по химии за ЕГЭ, поступление на бюджет в престижный МГМУ им. И.М.Сеченова, где обучение за год доходило до 1 милли-она рублей. Как мы жили в общежитии с девчонками, каким был тяжелый особенно первый год вдали от привычной жизни с мамой, папой, сёстрами. Тяжелый и потому, что много зада-вали: особенно анатомия, где надо было зубрить всё. Первый секс с Комаровым на койке в комнате, где через ширму спала Юлька. Мы с Димкой готовились к зачету, потом поцелуи, а потом он так ловко меня посадил на свой член, что я только и успела пикнуть. Помню его удивление от вида крови, при-знался честно, что не ожидал, что я еще девочка, с моей-то внешностью. Полгода еще терся всё рядом, а мне учеба нуж-на была, да и к нему я особой страсти не испытывала, а пер-вый секс вообще и вспоминать нечего.

Как я это одолела всё, вынесла, сдюжила? Ведь очень многие с нашего потока не смогли, бросили ВУЗ. Потом она, Лаубер Ирма Генриховна, заявила, приглашая, вер-

нее, нет, отбирая лучших на кафедру акушерства и гинекологии. Потом диплом, потом работа в Перинатальном центре, первое ведение беременности, потом операционный зал, первое кесарево и пошло-поехало.

Я улыбнулась, работу свою всё-таки обожаю, эти лица счастливые, папочки обескураженные, падающие в обмороки от крови, а потом плачущие от счастья. Трепет при выписке.

Я прижалась правее на всякий случай, ехала в своих комфортных 60 км/ч, снова погружаясь в воспоминания, которые потоком нахлынули именно сейчас.

Вспомнилась наша с Павлом первая встреча. Целая делегация тогда забирала Алину Персиянову: муж, родители Алины и Ярика - её мужа, старший брат Павел. Как он тогда задержал на мне взгляд, когда мы вышли традиционно на выписку: я и акушерка Светлана Аркадьевна. Через месяц мы уже жили у него, мне было двадцать шесть лет, ему тридцать один. Я работала, он тоже, мы так решили тогда, что у каждого есть призвание – и это первостепенное. Это я сейчас понимаю, что я просто согласилась на то, что мы ужинаем в ресторане, а не дома, на выходные у каждого своё времяпровождение, всё было гладко вроде. А потом на стройке тот несчастный случай, и нашли крайних, конечно, обвинили его и прораба в несоблюдении техники безопасности. Павел курировал объект, это потом выяснилось, что конкуренты подставили, но было уже поздно. Паша так наклюкался

тогда от горя, достал зачем-то припасы фейерверков, в один заглянул, ожидая, когда тот пальнет, а он и пальнул, прямо в глаз, хорошо жив остался. Ему удалили остатки глаза, поставили стеклянный. Мне это не мешало, я так же его любила, или не любила я его никогда, просто нам было удобно, да. У Паши случилась другая жизнь: депрессия, претензии, придирки: где я так долго, шлюхаюсь, отсасываю всем подряд и по кругу. Ушел с холдинга строительного, засел дома, играл круглыми сутками в онлайн-шахматы, да чё там играл, и сейчас играет.

Это было три года назад, три года он не работает. Я в центре так и рожаю с мамочками, мечтаю сама о ребенке. Мне тридцать восемь уже, Паше – сорок три, а детей у нас нет. У меня шесть выкидышей и три процедуры ЭКО, но эмбрионы Павла после процедуры переноса так и не приживаются.

В голове всплыла картина, после которой я открыла портал и заполнила заявление о разводе.

- Пришла. Стеш, дома хлеба нет, сгоняй, пока не разделась.

Я задержалась тогда на работе допоздна, сложные роды были, двойняшки, с задним прилежанием один, сама родила женщина, но разрывы были большие и сложные, зашивала ювелирно, можно сказать филигранно, уткнувшись носом в промежность пациентки. Старалась. Спина болела, нет - ныла уже, в туалет хотела, но старалась, а тут: сгоняй!

А до этого месяц назад очередной выкидыш, шестой. Как

не сохраняли беременность мне всей клиникой, ну, никак. Я подошла тогда к нему, мужу моему, обросшему, располневшему, с крошками чипсов на губах и как прошипела:

- Я хлеб не ем.

- Ой, обиделась. А как же и в горе, и в радости, я у тебя, заметь, денег не беру, машину свою продал, мне на эти деньги можно безбедно еще лет пять жить, как хочу.

- Ну и живи.

- А ты какую-то рухлядь купила без меня, права получать пошла под старость лет.

- На себя посмотри? Ты стал походить на..

Пока я подбирала слова, как он опустился, он продолжил:

- На калеку, да? Че, не красивый, смотреть тошно?

- Это ты сам придумал, мы это обсуждали сто раз, Паш.

Не во внешности ведь дело, у тебя на месте мозги, руки, ноги, да и глаз идеально сделан, не прикопаешься, как свой. Смотреть тошно - да, но на то, как ты себя закапываешь, как себя не любишь. Я устала, тяжелый день, сам сходи.

- Иди пизду мой тогда, а то сосать ты не любишь у нас, а долг супружеский знаешь, набухает уже.

Я сжала зубы, впервые мне захотелось ему вмазать, чтоб, блядь, глаз его выскочил и второй в придачу выбить. Пошла на кухню, встала у окна: не зареву, я сильная, сколько можно жалеть того, кто сам себя не любит, не старается, не хочет. Да, кроме жалости к мужу у меня ничего не осталось, зато появилось...отвращение.

У Паши всегда была своя точка зрения, с которой надо было соглашаться, точка! бляять зрения, а не кругозор!

До Кистенёвки оставалось десять километров, вот так за мыслями и бежит дорога. Август одаривал, как мог: и теплом, и урожаем, и красками. Я вспомнила продавщицу с айфоном и личным водителем, улыбнулась, удивляясь снова.

Эта дама с вкуснейшим медом мне напомнила Ирму Генриховну, ведь именно с её подачи я рванула за 350 км от города к монахине Аглае, что живет при церкви, обладая даром исцеления.

Тут же вспомнила, как несколько дней назад я пришла к Ирме Генриховне на консультацию.

- Стефания Воронова! Ах, как я рада тебя видеть! Наслышана о тебе, клинику выбирала для внучки, на вашем центре остановилась. Ты её ведешь, Мия довольна.

- Мия Славская – ваша внучка?

- Да!

- Я не знала. Время летит.

- Не то слово. С чем пожаловала?

Я тогда вывалила ей все результаты чек-апов, своих и мужа, рассказывая о выкидышах и ЭКО, показывая, что мы с мужем здоровы.

- Правда, анализы мужа не свежие, но..

- Я вижу дату, - проглядывая бумаги, сжала губы трубочкой профессор Лаубер Ирма Генриховна.

Лучший гинеколог всех времен и народов - так говорили

о ней на протяжении всех лет учебы, боялись её и уважали – строгая, опытная, умная, немка по крови, русская по духу. Читает лекции до сих пор и ведет дорогие частные приемы, еще и УЗИ делает, еще и недавно выучилась на нутрициолога, не женщина, а глыба! Мощь!

- Стеша, тут дело в другом. Я дам тебе телефон одной монашки, съезди к ней, она целитель и наставник, поговори с ней, что-то тут другое.

- Какое?

Я пребывала в шоке, чтобы матерый врач, профессор, меня отправил к травнице какой-то, целительнице?

Взяв номер телефона этой чудо-целительницы, поговорив еще о том и сём с Ирмой, я, совсем упавшая духом, пошла домой.

Муж, получив документы о разводе, напился, орал, обвинял в черствости, предательстве, в том, что у меня в роду ведьмы были, сглазила я его, он не изменял мне никогда, хотя я никакая в постели.

- Устраивайся на работу, поговорим, всё в твоих руках, у меня никого тоже не было, только ты.

Он что-то начал опять плести оскорбительное, я пошла опять на улицу, он не спросил, где я была в свой выходной, он уже давно ничем не интересовался, я оставила его одного, пусть протрезвеет, подумает.

Я захотела в сибирский большой дом, где веселая мама, сестры, брат, но и там я уже будто не в своей тарелке.

3.

Воспоминания годичной давности замелькали.

Год назад я прилетела на малую родину, поделиться своими женскими проблемами: невозможностью выносить, ситуацией с мужем, поплакаться, побыть дома. Хотя, я как уехала в 18 лет, у родителей Димка тогда родился, мой младший братец, так и разорвалась связь с домом.

За столом сидели все: мама, ей 56 лет, а из-за лишнего веса и хозяйства она выглядела старше, но жизнерадостная всегда, горластая, с шутками, байками, папа, ему 63, такой же спокойный и мягкий, сестры-близняшки Татьяна и Ольга, им по 29, обе замужем уже, с мужьями и с детьми. У Тани и у Оли по двое уже ребятишек, Димка, наш последыш, братик мой, любимчик родителей, ему 20. Красивый!

Сестры мои, как мама, самогоночку приняли и давай ржать, я тоже с ними выпила, посмеялась, так и не поделилась, с чем пожаловала. Мама все про Таню и Олю рассказывала, про внуков, про Димку, как год в армии был, что сейчас в Сельхозакадемию поступил на целевое – повезло.

- Стеш, ты раньше деньги высылала, а в последнее время перестала, - мама поинтересовалась единственным.

- Маш, ты в своем уме? – вклинился папа, - не обращай внимания, дочка.

- Муж не работает сейчас, мам, да и машину я купила, -

растерявшись, начала оправдываться.

- Ну, конечно, вам москвичам, запахло на автобусах, да? – Таня вроде шуткой, а выглядело как-то обидно.

- Ну, она же богатая у нас, статус, гламур-тужур, - Оля подыграла Татьяне.

- А что, Саш? Сама она доктор, а сестрам не помогла, вон, Ольку до города еле довели тогда, Вероничка чуть в дороге не родилась, а могла бы прилететь на роды сестёр родных.

Маму от выпитого понесло. Утром потом ревела, прощения у меня просила, а я будто уже и не дома была, всё тут не моё уже. Смотрела я тогда на маму, волосы у меня от неё, густые, пшеничные, грудь всем дочерям досталась тоже по материнской линии, высокая красивая полная. А вот глаза у меня зеленые, отец говорил, что в бабушку я его - красавицу, у сестер карие в папу, у мамы голубые.

Провожая, отец обнял меня:

- Ты самая лучшая из нас, самая смелая, самая счастливая! Помни это, Стеша. Бабушка моя, красавица была, ты похожа на неё очень, говорила нам, внукам: от предложений не отказывайтесь, от работы не отлынивайте, а то второй раз могут и не предложить, но умеете понимать, что оно ваше, чувствуйте. На мать не обижайся.

- Спасибо, пап, люблю тебя!

- Тоже очень люблю тебя, и не переводи денег больше. Все тут с руками и с ногами, все работают, я не знал, что ты переводила.

- Зарплаты тут маленькие, я все понимаю, пап.

Отец обнял меня крепко, посмотрел в глаза.

- Все будет хорошо, Стеша.

За воспоминаниями не заметила, как проехала указатель деревни, остановилась, как договаривались с целительницей, скинула смс у указателя, что подъезжаю, настроила навигатор на адрес. Через несколько минут я увидела церковь, проехала её, у деревянного дома, довольно приличного, двухэтажного, припарковалась, глянула на часы, тык в притык. Поднялась на высокое крыльцо, толкнула дверь, вошла. Внутри пахло деревом, приятно. Услышав женский голос, пошла на него, проходя по коридору. Вроде и обои самые простые, и мебель самая скромная, но было просторно и чисто, каждая вещь лежала на своем месте. Ко мне спиной стояла женщина и говорила по телефону.

- Что очередная пиздострадалица столичная приехала от депрессии лечиться? - раздался из телефона женский голос.

Словно подруги тут решили покуражиться, а я узнала их прикол, стою тут, давя в себе желание свалить отсюда. Но! Я проехала впервые сама такое расстояние, ну, нет, досижу до конца этого спектакля, в глаза посмотрю этой монашке-матерщиннице.

- Не знаю, - спокойно ответила Аглая.

Закончив звонок, женщина, так же, стоя спиной ко мне, надела на лицо что-то, развернулась, приглашая меня за стол. Руки её были в перчатках, но я увидела деформацию

конечностей, похоже на ревматический артрит.

- Стефания?

- Да, Аглая.

У Аглаи было закрыто лицо темной тонкой маской. В комнате было светло, в углу стояли образа, пахло вкусно воском и почему-то свежим хлебом. Спокойствием пахло еще, вот.

Аглая наклонилась к полу, поставила передо мной поллитровую бутылку с водой, как на переговорах.

- Стефания, у меня всего лишь час, говорите.

Голос у Аглаи был спокойный, приятный, успокаивающий даже.

- Аглая, помогите мне. Я сама врач, проверилась уже несколько раз - здорова, патологий нет, но не могу выносить ребенка, беременность наступает, максимум была 5 недель и выкидыш. ЭКО тоже не получилось.

- Вы замужем?

- Да.

- Почему без мужа решили приехать?

- Мы разводимся.

- А родить от кого хотите, если разводитесь?

- Хоть от кого.

- А ребенок вам зачем?

Я опешила, посмотрела на женщину, она так на меня глаза и не подняла, смотрела всё время в стол.

- Для себя.

- Для себя платье купите лучше или еще что-нибудь.

- Ну, чтобы воспитывать его, любить его, жизнь дать человеку.

- Зачем? Дети и без вас рождаются.

Я растерялась.

- Заведите котенка, оттачивайте на нём свою любовь.

Жестко.

Я молчала. Аглая тоже.

- У вас всё, Стефания?

Так, я не уйду, она знает, она знает что-то, чувствую, не уйду. У меня час оплачен в конце концов!

- Аглая, где я ошибаюсь? Подскажите, пожалуйста, научите.

Женщина улыбнулась, я это почувствовала, считала по телу.

- Стефания, родить «для себя» – это как программа ненависти к мужчинам, ко всем мужчинам.

Я открыла рот в изумлении.

- В ваших словах нет уважения к мужчинам, в них смысл один: я потащу все на себе, не хочу ни на кого опираться, мужчина – лишь донор спермы. Заведу ребенка, потому что могу, как котенка, буду играть с ним. А ведь ребенок - дитя Божие, на половину лишь от матери, а половину – отец. Вы не в праве лишать его этого только потому, что захотели поиграться.

- Я уже возрастная, потом может быть поздно.

- Для Божественного творения – дитя, нет поздно и нет

рано, есть благословение и всё. Для начала научитесь уважать и ценить мужчину своего. Вы живете в браках, соревнуетесь между собой, мужчины ломают женщинам души, женщины ломают мужчинам их дух. Женщины с раненой душой, мужчины со сломленным духом. Исцелитесь сами для начала, Стефания.

- Я не люблю мужа.

- Так вы развелись уже, отпущай его. Зачем столько держала возле себя, коль не люб? У тебя яйца больше, чем у него, не пара вы.

Я опешила, она и про Бога, и про яйца – всё в одну корзину.

- Научите меня, Аглая.

Я верила ей, понимала её, но я какая есть - такая есть, не буду я другой уже, большая я уже девочка.

- Аглая, а как же дети рождаются у алкашей?

- У каждого свой путь, свои родители, свои дети, вам, Стефания, свой пройти надо, я говорю, что вижу.

4.

Я посмотрела на часы, пытаюсь остановить время, мне хотелось узнать от неё что-то. Выпытать, она мне нравилась. Уверенная, спокойная, без прикрас. Аглая молчала, смотрела в стол.

- Аглая, у вас ревматический артрит?

- Да.

Опять тишина.

- Почему вы в маске?

- У меня лицо покалечено, выглядит неприглядно. Зачем людей пугать?

Агния не отнекивалась, отвечала просто, казалось, что она высиживает свой час, согласно оплате.

- Снимите, в повязке тяжело говорить, я врач, меня вы не обескуражите.

- Зачем?

Она впервые подняла глаза на меня, и я увидела свои глаза. Такой же редкий насыщенный темно-зеленый цвет глаз с ярко-зелеными вкраплениями.

Мои глаза с редким цветом радужной оболочки - предмет гордости, при встрече с незнакомыми все всегда интересуются, не в линзах ли я.

Мы несколько секунд всматривались в глаза друг друга.

Аглая опустила маску. Я увидела лицо женщины, навер-

ное, моего возраста, хотя трудно оценить возраст, не знаю. Лицо было искалечено ожогом. Я поняла одно: она перенесла самую тяжелую форму термического поражения, потому что не только кожа, но и связки, даже кости были поражены.

Мне захотелось обнять эту женщину. У всех своя жизнь, своя история, и то, что это было не с рождения, я понимала, Аглая перенесла что-то трагическое.

Мы молчали.

- У вас после меня пациенты, гм, клиенты есть?

- Сегодня только вы, по какой-то причине отказались двое.

- Подъезжая к вашей деревне, за 50 км, я купила мед на трассе у женщины, очень вкусный. Хотите?

Она очень внимательно посмотрела на меня, улыбнулась глазами. Похоже и лицевые нервы задеты, мимики практически нет.

- Угощайте.

Я сорвалась с каким-то оголтелым азартом, в машине взяла сумку со всем, что купила. Аглая уже застелила стол белой скатертью, поставила кружки чайные, из кухни слышался шум чайника.

- Это чай травяной, продавщица посоветовала, можно рискнуть заварить его, - я доставала покупки, выставляя на стол.

- Это Мария Павловна, у неё хорошее, у неё всё от души.

- Она необычная, с личным водителем.

- Это не водитель, это Саша.

Аглая вздохнула.

- У них пасека всегда была, муж умер, лет двадцать назад, она одна осталась, молодая еще была, чуть за сорок, дочь замуж вышла, уехала в столицу с мужем. Мария не хотела продавать здесь ничего. А Сашка бедовым рос, мать пила беспробудно, она к себе его и взяла в помощники, на ноги подняла, выучила. Сейчас Сашка – депутат, Александр Боровиков, ей работников нашел, у неё магазин свой дикоросов, поставок много в столичные магазины, а она по старинке любит иногда вот так на трассе поторговать...

Я вспомнила, где я видела этого Сашу - на баннере.

Мы пили чай с медом. Аглая поставила вазочку с хлебом, сняла перчатки, взяла кусочек. Пальцы скручены были артритом, и видно было, что ей тяжело брать предметы. Я ела мед с хлебом, наслаждаясь вкусом:

- Вкусный мед у Марии, очень. Иногда первое впечатление бывает ошибочным, особенно, когда внешние признаки: одежда, обстановка, говорят об одном, а на самом деле - все по-другому.

Аглая отпивала маленькими глотками, с трудом проглатывая пищу, в кружку наливая из чайника маленькими порциями, видно было, что и держать предметы ей тяжело. В очередной раз я сама ей налила.

- Спасибо. Вы правы, Стефания, иногда внешний вид не соответствует внутреннему совсем.

Она закашлялась. Я потянулась к ней, она помахала о ненужности помогать. Мне хотелось сделать ей что-то хорошее, расспросить её, помочь ей.

Она посмотрела на меня, кивнула, будто поняла.

- Мой отец был священником, служил при церкви нашей, носил рясу, как подобает, а в душе был...

Я поняла, она подбирает слова, словно борется с собой.

- В душе был мерзавцем, бил маму, трахал прихожанок, не знало его сердце любви, было черствым.

Моё сердце застучало быстрее.

- Я рассказываю это второй раз за жизнь, видно - это ты, Стефания.

Аглая перешла на ты. Что она имела ввиду, я не поняла, но притихла, ожидая дальнейшего рассказа.

- Я мечтала его убить.

Она подняла на меня глаза, я смотрела на неё в упор, замерев от услышанного.

- Он бил маму по лицу через подушку, чтобы не было видно синяков, а по телу мог ногами. Вера - она не в одежде, не внешне видна, она внутри. Бога в нем не было, хоть он и был облачен в рясу. Однажды, он ударил её сильно, и она упала, встала на четвереньки и поползла ко мне, мне было одиннадцать, мама была беременной. Вот тогда я решила его убить, встала, взяла из шкафа нож и пошла к нему, он сидел за столом, пил водку. Мама захватила меня за ноги, тихо плача, остановила.

В голове моей рисовались картины со слов Аглаи, жуткие, страшные.

- Летом я спала на сеновале, читала допоздна всегда, в доме случился пожар, я пыталась открыть двери, окна, но не могла, дверь словно вжилась в дом, треск дерева от огня, стоны мамы и Серафимы – я это слышу и сейчас. Я не смогла их вытащить, отец погиб, как я хотела, забрав с собой маму и сестру мою.

Аглая говорила это, глядя в одну точку.

- Меня выходили, я тогда не понимала: зачем? Я не могла ходить, даже пить. Мне четырнадцать было. В детский дом меня не взяли, определяли в дом инвалидов, мне помогла Лариса Ивановна. Я осталась жить при церкви, деревенские женщины по очереди меня выхаживали. Я стала отмаливать за маму и сестру, молилась за них, за тех, кто уже не может сам, отмаливала и отца, прося и у него прощения, а в шестнадцать лет стала видеть причины недугов у людей. Вот у тебя, Стефания, блок стоит, ты хочешь детей, потому что так положено, в тебе есть потребность любить, но и не хочешь от того, с кем живешь. У тебя будут дети, только надо излечиться от гордыни. Ты львица, а живешь с кроликом. Тебе нужен лев. А кролик найдет себе крольчиху и будет счастлив. Дети у тебя будут из-за большой любви, настоящей, а это когда уважение есть, принятие и доверие.

Я сидела как прибитая к стулу.

- Аглая, у тебя артрит, я могу врачей хороших привлечь.

Я тоже перешла на ты.

- Я на сильных препаратах уже и так, стала на лекарства зарабатывать вот этими приемами, подруга посоветовала.

- Это которая про пиздострадалицу сказала.

- Она. Мы со школы дружим, она не бросила меня, её мама, Лариса Ивановна, опекунство оформила тогда, чтобы меня в дом инвалидов не забрали.

Мы замолчали, мне после всего услышанного стало даже стыдно, у меня есть все: внешность, работа, достаток, у меня есть здоровье, в конце концов я могу взять ребенка, любого отказника, таких вот полно.

Аглая глянула на меня.

- Было у меня видение, что рассказать я должна той, кто в себе совмещать будет силу, доброту и красоту внутреннюю.

- Это я?

- Мне немного на Земле осталось, я пожила тут, сделала своё, помогла многим. Хочешь исцелиться?

- Да.

- Но ты исцелишься, исцеляя другого.

- Хорошо.

- Это может быть другой мир.

- Не поняла. Другая страна?

- Нет. Мир.

- Я умру?

- Нет. Ты попадешь туда, где нужна твоя сила.

- Я гинеколог, Аглая.

Аглая молчала. Я тоже притихла.

5.

Аглая смотрела опять в стол, привычка, видимо, уже выработанная годами.

А я буду жить так же: работа любимая, годы, что идут быстрее и быстрее, нет: лучше испытать, чем избежать. Я хочу попробовать!

- Стефания, я устала, если надумаешь, приезжай послезавтра к 19.00 на службу, там и продолжим.

Я кивнула, как раз смена с утра, отпрошусь на час, успею доехать, встала и пошла на выход.

- Мед!

- Я приеду, Аглая, даже если не надумаю, на службу хочу, мед и заберу, а ты угощайся.

Аглая кивнула.

Я ехала домой, вспоминая успокаивающую речь женщины, за плечами которой была такая непростая жизнь. В душе было тихо, спокойно. Марии уже не было, конечно. Не заметив четырех часов в дороге, уже поздним вечером, я остановилась у круглосуточного цветочного магазина. Я так давно не видела цветов дома, от благодарных пациентов букеты оставляла на работе или отдавала санитарочкам.

- Здравствуйте! – произнесла, заходя в цветочный рай.

Я оглядела цветы, остановилась на розовых розах.

- Девушка, мне розовые розы.

- Сколько и для кого вам?
- Давайте одиннадцать. Я себе.
- Покупаете сами себе?
- Да.

В магазин зашел мужчина, мне показалось, что стало места мало, он заполнил собой всё немаленькое помещение. Своей мужской аурой. Мы с продавщицей уставились на него: высокий крепкий брюнет, скулы покрыты легкой небритостью, карие глаза, в джинсах и кожаной косухе, на руках дорожные часы заметила. Он посмотрел на девушку, на меня, задержав взгляд на моих глазах. Всё, как обычно. Я отвернулась к цветам.

Продавщица начала кокетничать, да так явно, что мне стало неловко.

- Что вы хотели? Для кого? Какие? Есть предпочтения? – мурлыкала девица.
- Я подожду, обслужите девушку.

Я чувствовала взгляд мужчины на себе, а ещё я чувствовала, что реагирую на этот взгляд. Да чтоб его, это потому, что секса нормального не было давно. Нормального – это, когда я хочу, последние годы я предоставляла тело и всё, и то, чтобы забеременеть.

- Конечно! Для кого вам цветы, напомните?
- Вот сучка! И зачем ей захотелось меня уязвить?
- Я! Себе! Покупаю! Цветы! Будьте любезны уже!

Она достала мне розы, я оплатила, быстрее ретируюсь из

магазина. Открыла заднюю дверь, положила красоту, закрыла, развернулась и уткнулась в грудь этого мужика.

Он руками уперся в мою машину по обеим сторонам от лица, навис надо мной.

- Глаза красивые!

Я услышала его легкий вкусный парфюм.

- Линзы!

- Врешь!

- Мне пора, прощайте!

- Ну, нет, зеленоглазка, я только нашел тебя.

- Руки уберите от машины.

Он засмеялся, показывая свои ровные белые зубы. Я на это обратила внимание, потому что недавно отдала приличную сумму за услуги стоматолога.

- Девушка, давайте телефонами обменяемся, и я вас преследовать не буду. Сегодня.

Ему было на вид лет 38-40, как мне, за девушку, конечно, спасибо.

- Я замужем.

- Такого мужа, у которого жена сама себе цветы покупает, я даже не рассматриваю, как проблему.

- Вы не отвяжетесь?

- Нет.

Я нагнулась под его рукой, открыла дверь, взяла сумку, достала визитку.

Он внимательно прочитал, посмотрел на меня как-то по-

другому.

- Я завтра заеду за тобой на работу, ты до сколько?

Что ему от меня понадобилось? Ему молодых, наверное, надо, хотя, я тоже красивая, в зал хожу два раза в неделю.

- Завтра я до восьми вечера.

- Я буду, Стефания.

Я села в машину, понимая, что я радуюсь, как школьница. А что? Рискну, вдруг мужик нормальный!

Дома Павел играл в свои шахматы, в раковине была грязная посуда.

- Я доиграю партию и вымою, - крикнул мне мой уже бывший муж, чувствуя спиной моё раздражение, наверное.

Мне стало жаль нас. Три года я терпела его обзывательства, три года он терпел меня, да. Мы, действительно, разные, и как сразу это не поняли, всё же было изначально ясно. Да, я критиковала его, не словами, но своим поведением, приводила вечно примеры из жизни, вдохновляя, как мне казалось, на жизнь, а может ему и надо было засесть в берлоге, побыть с собой, он же толковый строитель, умный, верный. Он же говорил мне, что хочет уехать в лес, на заимку и пожить там год, с собой звал. Может, для какой-то это и есть настоящее женское счастье? Я же не пошла за ним, как декабристка, да.

Я подошла к Паше и обняла его со спины. Он резко выпустил мышку, хотя играл партию-блиц, где каждая секунда на счету, напрягся, замер.

- Паш, прости меня. Прости. Я была худшей женой.

Он сидел столбом, не двигаясь, я слышала его сердце, чувствуя легкое алкогольное амбре, уткнулась зачем-то в его макушку, втянула запах, поцеловала и пошла.

Надо заняться разменом квартиры. Я приняла душ, поставила розы в спальне, легла.

Вспомнила слова Аглаи: «Если ради кого-то мы меняемся сами – мы совершаем подвиг, если же ради себя меняем другого человека – совершаем преступление». Я мысленно еще раз попросила прощения у мужа, бывшего мужа. Слышала, как он помыл посуду, слышала воду в ванной, как он лег в зале. Павел встретит ту, которая ему подойдет, однозначно, мягкую, кроткую, милую. Дай, Бог, ему хорошую жену. Вздохнула. Я, какая есть, что ж.

Я ждала незнакомца. Отработала смену, сегодня родились две девочки и один мальчик, приняла душ, надела плащ, лодочки на каблуке, подкрасила губы блеском, распустила волосы и пошла. Я предвкушала.

Недалеко от крыльца стоял он. Другой. Вчера он был в более свободной одежде, как и я, собственно, а сегодня - в черных классических брюках, белой рубашке и легком полупальто нараспашку. Хорош! Побрился. Пошел навстречу, сердце моё стало биться учащённо и громче.

- Привет, Стеша.

- Привет.

- Владислав. Влад. Я заказал столик в ресторане, выбрал

на свой вкус заведение, поужинаем?

- Да.

Он улыбнулся, мы пошли до его машины, открыл мне дверь, я села. В салоне было чисто, на заднем сидении лежала охапка розовых роз, благоухая.

Я надела сегодня черное трикотажное платье, оно было простое, но мне очень шло, подчеркивало фигуру, грудь, талию и бедра, светлые волосы и черное приталенное платье – беспроектный вариант (мне так хотелось).

Мы сели за столик в углу зала, заказали блюда.

- Ты очень красивая, Стеша, и ты будешь моей женой.

Спокойно и, просто констатируя, произнес Влад.

Я не ожидала от себя такой реакции, наверное, переволновалась, еще чувство вины за нас с Павлом проскакивало у меня периодически, или еще что-нибудь спровоцировало: дорогой ресторан, розы, мужик этот богатый и красивый, я начала смеяться, закрывала рот и давилась от смеха. Он сначала улыбался, потом с серьезным выражением лица ожидал окончания моего припадка.

- Извини, Влад, за реакцию, не хотела обидеть, просто... даже подобрать не могу слов.

- Понимаю, повторю попозже.

- Ты не знаешь меня, я – тебя. Давай поужинаем для начала.

Я залпом осушила стакан воды, принялась за рыбу с овощами.

- Стеша, ты замужем?

- Развожусь.

- Хорошо, дети есть?

Я была даже рада, что он начал так, мне тоже хотелось у него много чего узнать сразу «на берегу».

- Нет.

- Хочешь?

- Да.

Он улыбнулся.

- А ты женат?

Он так посмотрел, что я поняла - женат. Сука!!!!

- Стеша, ты веришь в судьбу?

- Верю.

- И я. Я искал тебя всю жизнь, ты мне снилась.

- Влад, ты женат?

- Пока да. Стеша, мне надо решить дела с сыном, ему двадцать два, плохая компания, я должен быть рядом, не делать опрометчивых действий, не усугублять. С женой у нас всё печально, мы не любим друг друга.

- Влад, давай ты всё решишь в семье, тогда и поговорим.

Он смотрел на меня как-то жадно, рассматривая всю: лицо, грудь, руки. Я почувствовала себя желанной, вся моя жизнь – это работа в женском коллективе, не считая анестезиолога Быкова и гинеколога Ткачёва, семейные оба давно, ну и Павел, который на меня и внимания не обращал уже.

- Лет с двадцати мне снишься ты. Девушка с такими во-

лосами, такими глазами, губами, даже говоришь так же. Хочешь – верь, хочешь – нет, но это так. Мы можем встречаться?

- Встречаться, это что, Влад? Ужин? Прогулки? Секс?

- Всё это.

- Нет.

- А что из этого списка – да?

- Влад, с женатыми мужчинами я не встречаюсь никак.

Он закивал головой. Мы еще о чем-то поговорили нейтральном, я что-то спросила о работе, он что-то ответил. Я тонула в вязком противном разочаровании. Влад меня довез, я взяла розы, принесла домой, на что от Павла услышала слова: типа постель еще не остыла, а я уже, шлюха конченная, трахаюсь налево и направо.

На следующий день я поехала в Кистенёвку.

6.

Аглая встретила меня без маски.

- Стеша, платок есть?

- Да.

Я специально надела платье ниже колен, достала из сумки платок, повязала на голову, и мы пошли в сельскую церковь.

Прихожане неспешно заходили в храм, зажигали свечи, скромно крестились на образа. Батюшка мягко, не слишком громко начал службу. Тихий и убаюкивающий голос заполнял пространство и наполнял меня, я расслабилась. Непроизвольно у меня потекли слезы, я вспоминала родных, свои поступки, за которые мне было стыдно. Мысленно я просила у всех прощения. Служба закончилась. Люди подходили, целовали руку батюшке, я тоже. Мне было хорошо, благостно, захотелось это чувство сохранить в себе навсегда и унести его в мир.

Мы молча пришли опять в дом к Аглае.

- Аглая, я хочу исцелиться, исцеляя другого, я хочу попробовать.

- Стеша, я не знаю, куда ты попадешь, знаю лишь одно, там ты обрешь то, что хочешь.

- Ребенка?

- Что хочешь, то и найдешь. У меня видения, где меня просят найти ведьму для исцеления, якобы только на Земле

они и остались, я уже думала не раз, что в этом моя миссия и есть. Это ты, я это знаю и всё. Я выучила слова уже давно для переноса, слыша их еженощно, ты согласна?

- А что родители мои, работа, Павел?

- Отцу скажу, что ты уехала далеко, он поверит, у остальных забот – полон рот.

Я кивнула, достала телефон.

- Я позвоню отцу сама, пока не передумала.

Я вышла на улицу, посмотрела на окрестности села, привычные моему взору из детства деревянные дома, кирпичные, у ворот многих домов стоят недешевые авто. Поселок ухоженный.

- Стеша!

- Пап, привет! Пап, я хочу уехать из России, мы с Павлом развелись, хочу вот новую жизнь начать, детей хочу, родить не могу, не получается, дай Бог там всё получится. Хочу попробовать. Благослови меня.

Я не ожидала, что выпалю всё папе, как на духу, да и еще последнее слово, словно само вырвалось.

Тишина в трубке.

- Стеша. Я это имя тебе дал. Бабушку мою так звали, зеленоглазую, она мужа своего на плечах вынесла, в яме он лежал с другими убитыми и ранеными. Колчак тогда по Сибири хаживал. Не побоялась, ночью, в мороз, выискивая среди замерших трупов, а нельзя было к яме и подходить близко, выходила его, ни рубца от обморожения не осталось. Отец

мой родился у них потом. В деревне после этого все её ведьмой называли, любя. А она говорила, что это любовь всё, что сила любви даже с того света вернуть может. Вот... Вокруг бабы Стефании мы всегда в любви были, дочка. Они с дедом Митей в один день ушли, пошли на реку, сели на бережок, ноги опустили в воду, взялись за руки, так заостенелыми их и нашли. Пришлось кости ломать, чтобы в гроб положить. Она смелая была, красивая, ты в неё, дочка. Я благословляю тебя, милая!

Я не видела ничего, слезы лились ручьем, стекая по подбородку, старалась не хлюпать в трубку.

- Спасибо, пап.

- Фотку пришли мне, Стеш, внучки моей.

Я убрала телефон к груди не в силах справиться со слезами. Душу рвут слова, теплом падают, сил нет удержать слезы.

- Пришлю. Люблю тебя, пап. Маме скажешь сам.

- Скажу! Не бойся ничего, Стеша, ты у меня самая лучшая получилась, нельзя так, конечно, Бог простит, лучшая и есть.

Я выдыхала шумно, стараясь привести себя в порядок, вбирая воздух полной грудью, промокнула слезы платком.

Может тут остаться, папка будет плакать, хотя мы с ним видимся редко, у него хозяйство, внуков полон дом, так же и буду раз в год приезжать.

Я зашла в дом к Аглае, села за стол.

- Павел твой скоро женится. Как на работу выйдет, так его в теплые рученьки и возьмут.

Я горько усмехнулась.

- Сколько тебе лет, Аглая?

- Сорок три. Стеша, я соединю тебя с духом, он все расскажет тебе, отказаться еще можно.

- Давай, я согласна.

Я не знала, во что я ввязываюсь, но всё моё нутро меня направляло довериться.

- Закрой глаза.

Аглая начала тихо произносить слова, что-то плавное, тягучее, словно пела, я уплывала в сон, в голове стал отчетливо звучать голос:

«Что бы не происходило с мирами, хоть одна ведьма да останется. Ну, здравствуй, ведьма, мы тебя ждали. Глаз своих не показывай, откроешься лишь тому, кому доверишься, носи на плечах горб, чтобы тебя не распознали. Исцели Белогора, исцелишься сама. Сказать что хочешь?

- Да. Аглае помогите, пожалуйста.

- Да, как без неё-то, ведьму эту заберем, ей еще доделать на Земле кой-чего надо. Все? За себя не просишь?

- Я горбатая буду?

Голос засмеялся.

- Ты ведьма, самая красивая ты будешь!»

В голове темнота, в мыслях пустота, чувствую, на меня накидку с капюшоном одевает кто-то, я под тяжестью сгибаю плечи, сильно сутулясь, чувствуя на спине огромный увесистый груз, как камень, на лицо эти же руки цепляют маску,

и я слышу голоса.

7.

Приоткрыла глаза, помня отчетливо, что смотреть ни на кого нельзя. Страшно. Непонятно. Назад пути нет.

«Папочка, охраняй меня».

Я сидела на полу, на согнутых ногах, камень на спине давил, тяжело, на мне черное шерстяное одеяние длинное, церковное будто. Я еле пошевелила пальцами, трогая материал, грубое сукно, на лице у меня, как у Аглаи, тканевая маска, длинная, которая закрывает глухо лицо, лишь глаза открыты. Голова покрыта платком и ещё капюшоном в придачу. Жесть.

Рядом люди ходят, обувь вижу зимнюю, сапоги меховые, прислушиваюсь, жду. Я одна на полу почему-то, скамью вижу, на ней сидят несколько человек.

- Десятый год зима в Осии, тридцать - у Белогора недуг, запасы зерна закончились, у орков покупаем – отродясь такого не было, уповать лишь на чудо осталось. Целителей со всех земель уже привозили, благо Сурия не мерзнет, даже эльфы были, не знают причины. Проклят, говорят, наш Белогор.

- Верить надо, верить, Миро. Пока дети рождаются – значит, есть еще надежда. Это Мариша приказала всех пускать, чтобы каждый попробовал своё дело лекарское, за такое-то вознаграждение большое. Золотом платить Белогор будет.

- Мариша сама еле живая, тоже с ногами что-то.

- Дык ей лет-то, поди уже восемь сотен.

Я чуть на говоривших взгляд не подняла, когда услышала про восемьсот лет.

- Мирю, кто ещё есть? - послышался голос возрастной женщины.

- Эй, - меня толкнули в плечо. — Ты видишь хоть? Пойдешь к владыке?

- Да.

Я стала подниматься. Согнулась в «три рубля», по-другому не получалось, груз на спине пригибал.

- Пошли, увечная, ну, пошли, видишь сама-то?

- Немного, идти могу.

- Голос молодой! Девчонка что ль?

- Девушка.

Сопровождающий вздохнул как-то протяжно-жалобно, шагая рядом со мной. Я видела полы его одежды, кафтан из плотной ткани, штаны, заправленные в сапоги с опушкой, пол перед взором моим был деревянный, ровный. Мы шли и шли. Горб был как валун, давил.

- Белогор, примешь еще одну? - мужчина отворил дверь, спрашивая.

С владыкой этим говорил он на ты, но чувствовалось уважение, забота даже, отеческое что-то.

Меня подтолкнули в комнату.

Мне надо было видеть, я руками подняла повязку на лоб,

посмотрела сквозь неё – вижу.

Меня привели в спальню. Огромная кровать аккуратно застелена, в помещении светло, потолки высокие, на полу пушистый ковер белоснежный, в кресле у кровати сидел мужчина, лет сорока. Посмотрела, отмечая: темно-русые волосы, аккуратная небольшая борода, в простой рубашке-косоворотке, простых штанах, босые ноги уверенно стояли на полу. Он был здоров внешне. Как русский богатырь Добрыня, у меня такие ассоциации стали всплывать.

- Зачем лицо покрыла? – голос низкий, властный.

- Лицо поражено, от пожара, нет его совсем, стыдно мне.

- Ммм, сколько тебе, дитя?

Вот сколько мне? Скажу тридцать восемь, как есть – дитя, блин, не, не буду.

- Двадцать.

- Не бойся, пробуй, может, ты, что увидишь, болезная, - сказал безнадежным голосом здоровяк и махнул рукой проводившему меня, чтобы тот вышел.

Я подошла, семеня, села у его ног, взялась за щиколотки. Всё это проделывала по наитию. В руках почувствовала силу. Я вижу! Я! вижу!!!! Чернь в нем, недуг гуляет, заполоняет всего, с ног ползет. Он сильный, борется. Так, мне надо найти причину, а пока надо ослабить боль ему в ногах.

- Вы ходить можете?

- Могу, с трудом, но с каждым днем все больше.

Он уставился на меня.

- Ложитесь на пол, до кровати я не достану, рубаху приподнимите, приспустите штаны, поясница мне нужна ваша.

Я говорила, как врач, спокойно, по делу, четко.

Он выпрямил спину, уставился исподлобья своими серыми глазами.

«А красивый этот Белогор, крепкий».

А потом как заржет, сотрясая стены.

«Придурок! Напугал!»

Но я тоже улыбнулась почему-то.

- Болезная, а деловая. Смелая что ли?

- Мне уже бояться нечего, владыка, отбоялась.

Он притих резко, я подняла лицо, он смотрел, да так, словно на мне не было тряпки, в душу.

- А зачем пришла? Вознаграждение хочешь?

- Хочу.

Он засмеялся.

- Честная. Не смеялся я давно, однако. А зачем тебе золото?

- Открою лечебницу, буду больных исцелять.

Он снова уставился. Потом руками ухватился за ручки деревянного кресла. Руки сильные, жилистые, поднялся, отжимаясь на руках, тихо простонал, медленно ступая, опустился на ковер на колени, лег животом.

Я сама уже ему задрала рубаху, приспустила штаны, закатала брючины до середины икр, взялась за ступни и почувствовала боль его. Как он терпит? Боль при ходьбе была

адской, словно в кожу были вшиты конские волосы, и они стреляли всегда мучительно остро в тело. Я закрыла глаза. Во мне есть сила. Я же ведьма. Я улыбнулась себе, положила руки на ступни огромные и начала вбирать в себя боль, отправляя её в камень на спине, чувствуя, что он тяжелеет. Выдохнула, спина болела уже. Белогор протяжно простонал, видно легче ему. Я опустила руки на поясницу ему, проделывая обычные массажные техники: разминая, поглаживая, растирая, успокаивая мышцы, что тоже сильно болели.

- Кто ты?

Он повернул голову.

- Меня Стешей зовут.

- Как?

- Стеша.

- Откуда ты? Ты единственная боль смогла мою унять.

- Я издалека. Ну, да, могу, умею, практикую, лечу.

Он резко опять крутанул головой на мои слова, пытаясь повернуться.

- Лежать!

Приложила горячие ладони к пояснице.

Мне стало смешно, я говорила с ним, как со своими мамочками - иногда они так! чудили при сватках.

«Мальчик мой, ты в моих руках, однако! Вла-ды-ка!»

Я себя не узнавала. Во мне бушевала какая-то дерзость, кураж. А мне нравится, я чувствовала себя хорошо. Нет - превосходно! Еще бы валун со спины убрать!

Белогор уткнулся носом в ковер и засмеялся, спина могучая ходуном заходила, плечи тоже крупно сотрясались.

- А ты дерзкая девчонка! Болезная, а смелая!

- Я умею лечить, и лишь я вам смогу помочь. Я знаю это.

Я убрала руки.

- Завтра снова так же сделаю. Мне надо причину понять вашего недуга, пока не могу, но смогу.

- Спасибо, Стеша. Погладь еще. Я не обижу, дам в разы больше, если поймешь, что за хворь во мне. Десять лет уж не могу нормально ступать.

Я положила руки снова на поясницу. Закрыла глаза и стала напевать песню:

Где красота — там доброта,

Их разлучить ничто не может;

Любая светлая мечта

На двух подруг всегда похожа.

И нам без них не обойтись

Ни светлым днём, ни днём дождливым.

И, если хочешь быть красивым,

Ты добротой поделись,

Ты добротой поделись.

Белогор напрягся. Слушает. Я улыбнулась.

Я откуда-то знаю слова этой песни, хорошие слова, правильные, добрые.

Под моими руками уснул владыка. Здоровяк спал. Я знала, что боль его мучила, что не спал он нормально до этого давно. Губы Белогора смешно оттопырились, лицо наполовину утопало в ворсинках ковра, тело размякло, я погладила его по голове. Он вздохнул.

Я села рядом по-турецки, камень давил, подвинулась к креслу, упираясь в ножки спиной – легче. Стала ждать, осматривая помещение.

8.

Мне хотелось раздеться, снять с плеч груз. Комната была просторной, ничего лишнего, если это спальня этого владыки, то он холостяк, женского не заметила. Посмотрела еще раз на него – красивый мужик, крепкий, мощный, спина богатырская, ступни большие, жилистый!

В комнату заглянул пожилой мужчина, тот, который меня сопровождал, я узнала по полам кафтана.

Он подбежал к Белогору.

- Ты что сделала, брыдлая дурка?

«Сам ты брыдлый дурак».

- Спит он, легче ему стало, уснул. Проснется – спросите сами.

- Варай, сюда! Живо! – заорал старик.

В спальню заглянули с опаской два молодца. Молодые парни в сером одеянии, воины, похоже.

- В темницу её.

- Что? Я ему ноги лечила, спит ваш владыка.

- Он и твой владыка, или ты от кого будешь? Лицо покажь?

Я опустила лицо.

- Болезная я, нельзя смотреть.

- В темницу! Маришу сюда! Живо!

Старик тряс Белогора за плечи и руку, во сне тот что-то

лепетал. Видно же, что спит.

Меня под руки схватили два молодца и потащили, грубо, не жалея, выполняют приказ - понятно. Я поджала ноги, висела и размышляла: «Вот ведь проснется владыка ваш и даст вам люлей».

Знала прям, что так будет и радовалась, нет, злорадствовала. Эх, Стеша, Стеша, где твоя доброта?

Один меня пихнул в бок при ходьбе, больно.

Доброта к добрым, вот.

Меня тащили по темной лестнице вниз, с каждым шагом было холоднее и темнее. В темном сыром холодном подвале один меня взял за шею и прижал рукой к стене, чтобы не упала, второй открыл низкую деревянную дверь и меня толкнули внутрь, я упала наземь. Дверь закрыли, ушли, я встала, огляделась. Маленькое помещение, на стене у потолка крохотное оконце с решёткой, чтобы видеть хоть что-то. Миска на полу, застывшая вода в ней, значит, здесь минусовая температура. На стенах я разглядела широкие глубокие полосы от когтей - жуть, в углу солома скомкана.

Я стянула повязку до подбородка, стала развязывать плащ свой шерстяной горбатый, сняла, расправила плечи, потянулась. Хорошо-то как! Всё познается в сравнении. Пощупала горб, он был словно одно целое с мантией, твердый на ощупь, как кость, правдоподобно очень, я, наверно, и правда кажусь с сильно деформированным позвоночником, горбатой, одним словом. Я стала выхаживать туда-сюда, шевеля

плечами, чувствуя, что без накидки холодно, без капюшона тоже. Стала тереть уши, потрогала волосы, перекинула из-за спины косу, длиннее моих прежних, но цвет вроде тот же.

Я встала посередине камеры, шевеля пальцами, растирая ладони, закрыла глаза, собираясь снова нацепить этот чудо-плащ. Мне показался образ Влада, отчетливо очень, он смотрел на меня, качая головой в разные стороны, произнося: «Сбежала! Найду, Зеленоглазка! Выпорю!»

Я открыла глаза широко. Ни папа, ни мама, ни Павел мне с Земли привет передали, ни подруги по бане, а Владислав, которого я видела два раза в жизни. Я выдохнула шумно, сгибаясь за балахоном, и тут услышала шаги, быстро нацепила свое одеяние, завязывая у горла мантию, снова ощущая валун тяжелый, чувствуя, что еще чуть-чуть здесь побуду, и я окоченею.

В двери открылось окно, и в него заглянула чья-то физиономия, было плохо видно.

- Эй, болезная, пить принести?

Юношеский голос.

Я подняла лицо, пытаюсь углядеть говорившего, он отпрянул со вздохом. Ну, представляю, в сырой темнице горбатая в черной одежде и с закрытым лицом особь, отшатнёшься тут.

- Не бойся, лицо закрыто, потому что неприглядное. Принеси, да, пожалуйста.

- У тебя голос красивый, болезная. Зачем Белогора усы-

пила?

- Как зовут тебя, красавчик?

Он расплылся в улыбке.

- Рубиль.

- Рубиль, я зла не желала Белогору, это ошибка, думаю, скоро за мной придут.

- Ой, не знаю, в эту камеру смертников сажают.

«А если владыка их дрыхнуть будет до морковкина загоненья? Спела песенку Стеша».

- Рубль, - я специально так обратилась.

Вот чего прикалываюсь, жизнь моя, можно сказать на волоске висит, хотя в душе я была уверена, что только все начинается, во мне сила какая-то вселилась весёлая, ох, веселая.

- Рубиль, болезная.

- Рубиль, а что, правду говорят, что Белогор тридцать лет хворает?

- Нет, он тридцать лет без зверя, а на ноги ступать нормально перестал почти десять лет уже как. Так это все знают, откуда ты?

- Издалека. Без какого зверя, Рубиль?

- Мой отец его медведя видел, Белогор по лесу ходил медведем, могучий он, единственный. Все же волки кругом, а ты кто?

«Так, оборотни что ли они, или метафора такая, медведь – сильный самый? Так-так».

- Я птица, Рубиль.

- Не бывает двуликих птиц, лгунья ты, болезная.

- Я пошутила, Рубиль, прости, перед смертью захотелось пошутить. А у тебя девушка есть, Рубиль, ты такой красивый?

- А! Неет пока, женщин мало в землях, вот золото накоплю, может и возьмут меня в семью, а так мечтаю, да.

- Холодно очень.

- Так зима беспробудная уже десятый год, не закончится никак, как на Белогора недуг напал, так и солнце к нам не заходит. Откуда ты? Не ведаешь ничего.

Рубиль ушел. Я села на солому ждать, носить горб тяжело. Ног и рук уже не чувствовала, еще и груз на спине с каждой секундой давил всё тяжелее и тяжелее. Глаза смыкались, я старалась не засыпать. Придатки отморожу тут, так, считать надо вроде, раз, два... Дверь отворилась, меня подняли на руки, прижали к чему-то теплему, родному. Хорошоооо!

- Белогор сам идет! Да быстро так! Смотри!

- Это она ему помогла! Он сам несёт её.

- Болезная – целитель!

Я слышала голоса, приложив голову к груди Белогора, старалась не спать, пыталась шевелить пальцами, они были, как ледышки

- Стеша! Стеша! Ванную теплую! Маришу сюда! Где она? Живее!

Суровый голос у него, властный мужик. Тепло, хорошо,

ноги и руки стали отходить, остро покалывали миллионными иголок, кто-то растирал мне ступни. Я разлепила глаза, сквозь темную сетку ткани увидела Белогора, он тер мои ступни, хорошо, что колготы не снял.

- Маленькая такая, смелая, чуть не заморозили коброды.

- Давай, я сама дальше, помою её, - старушка вклинилась.

- Не надо, все хорошо уже, я сама. Где моя комната?

Белогор поднял глаза на меня, пытаюсь что-то усмотреть, замер на секунду.

- С моими покаями будет рядом, приготовить ей парную.

Мариша и старик, который меня приказал утащить в подвал, переглянулись.

- Хорошо, это правильно, да, да, - говорила под нос Мариша, удаляясь выполнять поручение.

Мы остались одни, снова тот же ковер, кровать, я сижу в кресле владыки.

- Говори, что надо, Стеша?

- Мне надо отдохнуть, дорога тяжелая была. Я чуть не околела в подвале от вашего гостеприимства, владыка Белогор. Вылечить бы скорее вас, да свалить отсюда побыстрее.

Он положил свои лапищи мне на колени, уткнулся в них, и затряс плечами, смеясь.

- Вылечи, смелая, я тебе дворец построю, лучшая лечебница будет во всех землях.

Он поднялся, укутал меня шкурой пушистой, вторую взял

с кровати и на ноги мне положил.

- Спасибо, я так давно не ходил.

- Это временно, боль снова настигнет, скоро, причину не устранили, буду думать, смотреть, вылечу.

Он снова на меня уставился, потом развернулся и вышел, уверенно ступая по полу.

9.

Я согревалась, сидя в кресле Белогора, под тяжелыми теплыми мехами, хотелось снять с лица повязку, чесались нос и щеки. Я вытащила руки, почесала поверх ткани. Посмотрела на свои пальцы внимательнее. Руки молодой девушки, ноготки розовые аккуратные, кожа упругая, я-то помню свои: суховатые, с венками, тонкой кожей. Иной раз в хирургических перчатках по несколько часов на работе приходилось быть, оперируя, кожа размягчалась из-за недостатка вентиляции так, что приобретала «эффект прачки», а потом стягивалась из-за сухости, не всегда успевала кремом помазать.

Я убрала руки под шкуры, сидела, разомлевшись в тепле, прокручивая в голове информацию.

Я ведьма. Знаю о них лишь то, что их сжигали в эпоху инквизиции по доносам, они красивые, обладали каким-то даром: либо портить что-то, либо исцелять; летали на метле - все с какой-то сумасшедшинкой, себе на уме. Всё моё познание на этом и заканчивалось. Но то, что я вижу болезнь у Белогора – это факт, так же чувствую его боль, а еще боль могу забирать через руки, надо скидывать её научиться, а не на спину себе взваливать.

Мне здесь не страшно, не, не так: мне вообще не страшно! – тоже факт, я чувствую словно власть, могущество, преимущество, мне это нравится, вселяет уверенность в себя и

в сбычу мечты.

Ведьмы не сомневаются! - Откуда это в моих мыслях?

В комнату вошел владыка. На нём был серый кафтан, синие штаны, заправленные в сапоги, под кафтаном серая льняная рубаша. Могуч! Высокий мужик! Владыка! Видно было, что он рад: еще бы - ноги не болели. К вечеру хворь начнется снова – это тоже чувствую, знаю.

- Стеша, парная готова, за стеной твои покои, Мариша может помочь.

- Я сама, спасибо.

Я отодвинула шкуры, Белогор помог мне слезть с высокого кресла.

- Белогор! Уже вся Осия шумит, что целитель нашелся, что ты на руках её носишь.

«Ну, вот и дама сердца! Никто и не сомневался, что у владыки есть любовница. Что она не жена, я была убеждена почему-то».

- Гарма, не сейчас, иди, я сам приду.

Она не послушалась, подошла ко мне.

- Лицо покажи, болезная, может ты красавица с чужих земель, может ты Белогора увезти хочешь?

«Ой, блядь, хуже ревнивых баб, по-моему, никого противней нет в мире».

- Мне с ваших земель никто не нужен, будьте уверены, вылечу вашего владыку за вознаграждение и исчезну.

Белогор брови свел, не понравилось ему что-то. Не уж-то

не хочет, чтобы я уезжала?

- Покажи, а то силой сдерну, чувствую, что лукавишь ты, болезная, вон голосок какой звонкий.

«Вот привязалась. Не отвяжется же ревнивая баба, точно же при случае сдёрнет».

- Мне стыдно, искалечено оно, - я прошептала.

- Гарма, иди! – прогремел Белогор.

- Пусть покажет, что мы не видали калик юродивых, волков безногих – всё видали.

Белогор зарычал.

«Так! Мужик рычит. Аглая, помоги! Аглая, помоги! Пусть она увидит твое лицо на миг».

Я отвернулась от Белогора, вставая к нему спиной, точнее горбом своим. Подошла прямо к Гарме этой и резко сдернула тряпку с лица, представляя лицо Аглаи, закрыв глаза, секунда, две, три и подняла наверх.

На миг подняла взор, прищулив глаза, увидела её зрачки расширение, а лицо выражало и облегчение, что я уродлива, и злорадство, и страх от увиденного. Она открыла рот.

«Спасибо, Аглая, спасибо, подруга!»

Белогор отодвинул пухлую Гарму в сторону рукой, навис над ней:

- Уходи!

Она подобрала юбки и пошла на выход, виляя задом.

- Прикажу ей, чтобы молчала, Стеша.

- Я хочу отдохнуть уже. Всё нормально, привыкла я.

Он вздохнул тяжело, словно понимая всё. Меня проводил в соседнюю комнату, намного меньше, но уютнее. В центре кровать была двухспальная, комод, освещения много, по всем стенам горели навроде керосиновых ламп, под стеклом фитильки. Уютно. Очень даже, а главное – тепло.

- За дверью умывальня и уборная. Одежда, какая нужна, говори, ты здесь гостя, почетная гостя. Через час принесут ужин.

- Спасибо, Белогор.

- Тебе спасибо.

Владыка ушел.

Я рванула, как могла с камнем на плечах, в ванную, закрылась на засов, сняла с себя всю одежду и наконец-то встала под воду. Пол и стены в умывальне были из камня, из стены по крану шла теплая вода. Я потрогала степы – теплые, будто батареи встроены, распустила волосы, проверила, понюхав содержимое бутылков, намылась всем, чем можно, укуталась в полотенце большое тонкое тканевое, как простыня, подошла к зеркалу, встроенному в комод.

Я ведьма! Я красивая ведьма. Зеленые глаза обрели еще более выразительный влажный оттенок, волосы мои светлые стали гуще и длиннее, провела руками по предплечьям, животу - кожа как бархат, талия узкая, бедра женственные широкие упругие крепкие. Я мечтала о такой фигуре, делаю силовые регулярно, попа – орехом, грудь моя, налитая, стоит холмами. А ресницы-то, черные, густые, зубы белые, воло-

сы мои пшеничные, даже светлее стали. Я чувствовала эйфорию! Женский восторг! Я себе нравилась, нет, я была от себя в упоении, в радости.

Ладно, Стеша, не родись красивой, как говорится, и да, «с лица воду не пить» - настоящая красота заключается в поступках.

- Аглая, - я почему-то, уставившись в зеркало, обратилась к ней, глядя на себя, - давай сюда тоже, а? Я тебя вылечу.

Я вспомнила её лицо отчетливо, потом подошла к окну, отодвинула плотную штору и обалдела. Кругом белым-бело! Снег толстым ковром устилал крыши небольших домов, что были около дома Белогора, вдали виднелся лес. Тяжелыми шапками белого снега были покрыты темно-зеленые ветви высоких и маленьких елей, деревья словно спали сказочным сном.

У дома владыки кипела жизнь. Я рассматривала людей: в основном мужчины сновали деловито. Все были одеты в зимнюю одежду: кафтаны теплые, меховые шапки, сапоги, кое у кого варежки. Всех, кого я успела увидеть, были черноволосыми, Белогор был лишь темно-русый. Гарма была полной брюнеткой, в красивом платье красного цвета, расшитым золотыми и голубыми нитями, Мариша тоже в прошлом черноволосая, Рубиль, парни - воины, сопровождающий. Интересно.

Услышав шаги, я юркнула в ванную, там остались мои вещи. Постучались – это хорошо.

- Заходите! – крикнула.

Ко мне вошла Мариша, принесла на подносе тарелку с чем-то съестным, вроде супа, кусок хлеба, кружку с напитком.

- Ешь, девочка, не бойся.

Я стояла возле худощавой пожилой женщины, чувствуя её боль в коленных суставах.

- Мариша, присядьте на кровать.

Похоже мой деловой тон дезориентировал слегка местное население.

- Пожалуйста, - добавила я мягче.

Женщина от растерянности уселась. Я присела у её ног, обхватила колени и, закрыв глаза, попробовала её хворь увести не в камень, а в воздух.

Я представила болезнь черной субстанцией, как она выходит из коленных чашек и растворяется в воздухе.

- Получилось!

Я громко выкрикнула.

Мариша подскочила, присела, довольно низко для пожилого возраста, а потом поклонилась мне.

- Пожалуйста. Мариша, можно я в одиночестве поем.

- Да, да, да, - она быстро исчезла.

Я села на всякий случай спиной к двери, стола в комнате не было, пришлось на полу уместиться, расстегнула ворот у балахона, опустила повязку на шею, с удовольствием начала есть.

10.

Съела быстро суп, он был густой и сытный, с большим куском мяса, посуду вымыла в ванной комнате и поставила на столешнице комода.

Спать в чем? Не с горбом же? А как?

Колготы, платье и туфли положила у кровати на пол, накинула балахон свой на нательное белье, маску на шею опустила, капюшон на голову нацепила. За окном быстро темнело, как в Сибири зимой, помню в 7 классе мы учились во вторую смену, так нас родители по очереди встречали, темень была уже в шесть вечера. Я затушила фитильки, оставив два, как ночники, потрогала постельное белье, плотное, чистое, приятное. Сняла сверху покрывало, откинула одеяло и легла, сняла одеяние, рядом с собой положив накидку горбатую.

Как же хорошо!!!! Спина и плечи гудели, я распластала руки и ноги, прикрыла глаза.

Ну, что ж! Имеем красивого статного владыку с непонятной этимологией заболевания. Завтра постараюсь еще раз просканировать ноги и поясницу, мне нужен диагноз. Да.

Нехотя просунула руки в плащ, легла на бок, ну вроде ничего, накинула капюшон на голову, закрыла глаза. Уже находясь в пограничном состоянии, когда уже и уснула вроде, я слышала стук.

Открыла глаза.

Зайдут или нет, интересно?

Дверь открылась. Нда, зашли. Тихо кто-то подошел к кровати, потом к комоду, взял тарелки. Я лежала лицом к стене, спиной к двери и к действиям, что происходили в моих покоях, временных, конечно. Ещё кто-то зашел. Ну, устроили проходной двор.

- Мариша, - шепотом сказал Белогор, - ты чего тут?

- Да вот, зашла справиться, а она спит. Принесла ей сладость, не болят же колени, уже и забыла, как это хорошо, она вымыла всё за собой. Вишь, спит в одежде, стыдится, ах. Жалко, сильная она, откуда только, мыслимо с орчых земель, в темном вся, там такое носят.

- А у меня опять отнимаются, пойду к себе, пусть отдыхает. Стеша её зовут, обращайтесь к ней по имени, и чтоб слово «болезная» не слышал.

- Гарма уже растрезвонила про лицо её, говорит, такого страха никогда не видела.

- Дура.

Ушли. Я улыбалась. Защищает меня. Зарылась в капюшон, уснула.

Стук. Открыла глаза. Узнала стены. Я в новом мире, да. Выспалась на удивление, как уснула в одном положении, так и проспала всю ночь на боку.

Стук повторялся.

Я спустила ноги с кровати.

- Сейчас, - крикнула.

За дверью притихли.

- Кто там?

Я была в одном балахоне, платье и колготы не успела надеть.

- Стеша, это я, Мариша, отвори.

Я открыла дверь.

- Мариша, доброе утро, я еще не оделась толком, что случилось?

- Белогор просит тебя.

- Сейчас, умоюсь и приду. В эту дверь же заходить?

- Да, он ждет.

Я умылась, оделась, пошла к владыке. Он восседал на своем кресле.

- Болят?

- Да.

- Доброе утро, владыка Белогор.

Он смотрел.

- Чудно говоришь, Стеша.

- Так привыкла.

- Ела вчера на полу?

- Да.

- Стол тебе принесут и стул, проси, не стесняйся. Вещи сменные, какие нужны?

- Хорошо. Давайте ноги свои, гляну.

Он кивнул, я подошла к мужчине, увидела через свою

маску засос на шею у него, и что-то меня так это уязвило. Я уставилась на него, он смотрел тоже, я была закрыта от него, он сглотнул, согнул голову набок, пряча Гармины метки принадлежности.

Еще втюриться в него не хватало! Не надо! Исцелю и сваливаю, беру мзду и, правда, лечебницу открою. Я села у ног владыки.

- До коленей закатайте штаны.

Он послушно собрал ткань, зафиксировал на коленных чашках, открывая красивые спортивные мужские икры, покрытые темно-русыми волосами. Я наклонилась так, чтобы он не видел моих рук, не хотела. Взялась за щиколотки, ладони загорелись мгновенно, будто хворь боялась моих рук, корчилась от моего касания, так-так, я всасывала черноту, и шумно выдохнув, начала выпускать её через рот. Я выдыхала и выдыхала, шумно и часто, как женщин учила при сватках, вот точь-в-точь дышала так, потом закашлялась от сухости в горле, опустила руки, сгибаясь к полу. Владыка соскочил, убежал, прибежал, поднял меня под мышками, усаживая в кресло.

- Стеша, на, попей, я отвернусь, Стеша, - голос казался громким очень, звенел аж в ушах.

- Тихо ты, не шуми.

Он выдохнул, ухмыльнувшись, я подняла на него лицо, мне хотелось пить, очень. Я протянула руку, не задумываясь, оголив до запястья, он схватил её резко.

Блять!

Как на что-то диковинное смотрел на мои пальцы, крепко сжимая мою ладонь в своей лапищи.

- Маленькая какая, белая, нежная.

- Воды можно, владыка, - я тряханула предплечьем, накидывая на ладонь рукав.

Он дал, я просунула руку под ткань и стала пить жадно, он смотрел.

- Спасибо!

- Сиди тут, Стеша, я сейчас!

Он быстрым уверенным шагом вышел из покоев.

Не понимаю. Может и проклятье, похоже очень, если я лечу руками, забирая хворь, значит как-то её в него поместили, мне надо его осмотреть всего.

В покои вошел Белогор с большим подносом еды, поставил на стол, сервируя. Я наблюдала. Двигался легко, улыбался, не болит, значит. Я рада. Он что хочет со мной есть тут?

- Стеша, размер ноги твоей я запомнил, сапожки тебе шьют, не гоже в туфлях тут, кафтан тоже. Составь компанию, позаутренней со мной, целительница.

- Не болят?

- Как в былые времена, силу в них чую.

- Ну и славно.

Он как-то рвано выдохнул и стал наливать из пузатого глиняного чайника горячий напиток. На подносе были тарелки с кашей, похожей по виду на пшеничную, пиала гли-

няная с каким-то вареньем и все. Порции у них большие, сытные, это я уже отметила. Посуда деревянная, но тонкая, изящная, я покрутила перед носом ложку, разглядывая.

- Так дерево обработать умело, гладкая, приятная, легкая. Мастерство. Красиво.

Белогор опять уставился. Вот куда он смотрит? Вся моська моя закрыта.

- Стеша, Мариша порхает, как невеста, спасибо за неё тоже.

- Пожалуйста.

- Мастера в Осии по дереву лучшие во всей Велионии, заказы у нас на годы вперёд.

Я зачерпнула ложку каши и под тканью взяла в рот, вкусно. Белогор видно понял, что мне комфортно, начал тоже есть. Ел не спеша, с аппетитом, быстро опустошив огромную тарелку. Потом стал намазывать хлеб вареньем мне и себе.

- Стеша, до тебя меня микстурами лишь пичкали все, а ты руками исцеляешь.

- Ага.

Улыбнулся. Умный. Внимательный.

- Так в старину ведьмы лечили.

- А где они сейчас?

Он замер с хлебом в руках.

- Ну, ты юная совсем, не рассказывали тебе видимо.

- Видимо нет, я жила почти одна.

Он кивнул.

- Ведьм всех демоны истребили, не вынесли, что ведьмы по силе с ними равны, принуждать их стали, а они гордые, сгнули. Вот уже больше трех сосет лет нет их в мире. Ни ведьм, ни демонов.

- А демоны?

- Их покарали Боги. Горы, что окружали их земли, вылили на них жидкий огонь. Горы громыхали, огонь тек, сгорели они дотла.

«Землетрясение похоже».

- Может, кто успел спастись?

- Не знаю, легенды ходят, что по разным мирам и ведьмы, и демоны попрятались.

- Интересно, - дожевывая, произнесла.

- Да, держи, - он протянул мне хлеб.

Я пальчиками из-под рукава быстро взяла.

- Что за напасть со мной, Стеша?

- Пока не знаю, мне надо спину вашу осмотреть, грудь, руки. Гуляет по телу хворь, надо эпицентр найти, очаг поражения.

- Чудно говоришь.

- Это лекарские слова.

- Сейчас у меня совет, можно после обеда.

- Хорошо. А можно мне на улицу? Красиво там, как в детстве, зима сказочная.

Белогор промолчал, задумчиво опять посмотрел на меня.

- Мариша тебя проводит.

- Спасибо, владыка.

- Ты ко мне уже на "ты" обратилась.

- Вырвалось. Извините.

Он свёл брови у переносицы.

Открылась дверь, и в покои вошла Гарма.

Посмотрела, сжала губы, но выдавила улыбочку.

Мы с Белогором сидели за небольшим круглым столом.

Может, они частенько тут с ней после жаркой ночи завтракали. Мне не понравилось моё предположение.

- Дорогой! А мы с тобой не кушали так никогда.

«Ха, так тебе. Но не с претензий же начинать, Гарма. И когда я такой умной стала? Сама три года Пашу пилила».

У Гармы было платье с красивым декольте, голубое, как небо летнее, грудь, наверное, размера пятого, сама молодая женщина была крупной, сбитой, полной, подбородок двойной, щеки упругие, волосы черные, кареглазая, и над губой усики проглядывались. Дородная такая, кровь с молоком, пальцы пухлые, в кольцах.

- Гарма, тебя не приглашали, - владыка был недоволен.

«Вот бабы, если в койке побывают, начинают власть качать». Я сидела тихо, жевала хлеб с вареньем.

- Вчера ты был такой горячий, как этот взвар.

Я сдержала себя, чтобы не заржать, но похоже тихий смешок вырвался, и владыка услышал, глазами лишь в мою сторону повел.

- Спасибо, владыка, за завтрак, я пойду.

Я встала, он хотел было помочь, я рукой в длинном рукаве показала, что сама, останавливая его попытку, вспоминая Аглаю, как она меня так же остановила.

Было это еще вчера...но уже в прошлой жизни, нда.

11.

Через некоторое время постучалась Мариша. Она принесла мне сапоги кожаные невысокие, с чуть заостренным носом, аккуратные, ладные. Я взяла в руки сапожки: легкие на удивление, внутри утеплены войлоком, край голенища обшит цветным сукном с мехом – красивые. Мариша помогла их надеть, так как, сгибаясь, я чуть не рухнула носом в пол от тяжести горба.

Она поохала. Мне на плечи накинула кафтан с мехами, уточнив, что это её, а для меня пока шьют, и мы пошли на улицу.

Мы спускались по деревянной лестнице, затем прошлись по первому этажу просторного коридора, по левую сторону от меня горели светильники, и висела черная волчья шкура, огромная, видно охотничий трофей, по правой стороне я насчитала три двери, наверное, за одной из них Гарма Белогора привечает.

Никто нам не встретился в доме, зато, когда мы вышли во двор, я окунулась в жизнь этого места. Кипела жизнь, дело кипело: конский топот, стук топоров, мужские басы. Снег был утоптан следами от конских копыт и человеческих сапог. Мне бросились в глаза ворота массивные деревянные с железными шипами, такие ворота встречают не гостей, а судьбу. У ворот высокая сторожевая вышка с колоколом-на-

батом, его язык молчит, но готов закричать в любой момент. Конюшни с теплым запахом навоза и сена, неподалеку увидела кузню – там горел огонь на языке молота, а кузнец, как жрец этого огня, бородач в одной рубахе, блестящий от пота, делал свое привычное дело. Амбары с запасами. По периметру было много голых деревьев и кустарников, покрытых снегом, наверное, не для красоты, а для жизни тут росли яблони или вишни, похоже очень на них.

Мариша стояла рядом, пока я осматривала с любопытством владения Белогора. Развернулась и посмотрела на дом. Это не дом, это терем. Задумчивый, как сам владыка. Стены из дерева, что со временем стали темными, между брёвен – красный мох, наличники на окнах резные, а там не просто узор, а словно письма предков: солнце, разглядела еще птиц и зверей. Крыша, как шапка Мономаха, покрытая тёсом. На вершине голова птицы, словно уносит дом в небо.

- Стеша, чего застыла? – услышала я голос Мариши. – Так и замёрзнуть недолго.

Мужчины сновали, то и дело поглядывая на меня, сведя брови, будто извиняясь за то, что посмотрели в мою сторону. Все были черноволосы, многие с бородой, что от морозца покрылась инеем. Мужички забитыми не выглядели, наоборот, будто каждый тут был хозяин, деловые все, крепкие.

- Красиво тут, Мариша!

Я потихоньку пошла к воротам, желая выйти к лесу, оглянулась непроизвольно еще раз на дом и увидела в окне Бе-

логора. Он смотрел. На меня. Я чуть подняла руку, оголив ладонь, помахала. Ну, а что? Он улыбнулся, кивнул.

Это был какой-то княжий двор, где умело переплелись воля одного владыки и судьбы многих. В этом месте была Душа.

Мариша отворила дверь, что была вырезана в воротах, и мы пошли к лесу. Она была здесь за главную, похоже, с ней здоровались, уважительно склонив голову.

- Стеша, ты далеко собралась-то?

- В лес хочу.

- А что там? Заметен он весь, спит, как наш Белогор.

- Что значит спит, как Белогор?

- Ну, медведь его в спячке уже тридцатый год, вот и лес словно за ним заснул, неживой стоит, холодный.

- Мариша, а ты кто?

Мариша засмеялась.

- Так волчица, как все, один владыка – медведь, он один такой.

Я пребывала в шоке, похоже это не метафора никакая, Рубиль напрямую говорил.

- А ты кто, Стеша?

- Я не знаю, Мариша, хилая с рождения была, потом видеть недуги научилась, вот исцеляю.

Не ляпнуть бы лишнего. Еще бы знать, что лишнее.

- Спасибо, что решилась приплыть, благо Сурия не замерзает.

Чем дальше от ворот мы отходили, тем снег был глубже, я остановилась.

- Не могу.

- Белогору скажи, он сани запряжет, покатают тебя, пошли, болезн... Стеша.

Мариша меня проводила до двери моей комнатки, сказала, что обед мне принесет скоро. Мне не хотелось сидеть одной, как монашке в келье.

- Спасибо, а можно мне почитать что-нибудь? В библиотеку сходить? Есть у владыки библиотека?

Вот что мне делать? Пока ноги Белогора бегают, поди и не вспомнит обо мне.

- Так есть, туда правда уже лет как двадцать не заходил никто.

- Можно мне, пожалуйста, а то в четырех стенах сидеть скучно.

Мариша распахнула кафтан, взялась за ремень и крутанула его, на животе оказалась связка ключей, она деловито сняла один и протянула.

Волчица указательным пальцем показала направление вдаль коридора:

- Смотри, самая дальняя комната - книжная, сама идешь туда и читаешь.

- Спасибо, а мне можно, ругать не будут?

Мариша засмеялась.

- Не бойся, Стеша.

В комнате своей я разделась, походила несколько кругов без накидки, разминая плечи, услышав шаги, нацепила снo-ва, села за стол.

Мариша принесла мне обед. Мне было интересно всё:

Кем приходится Мариша владыке? Что я ем тут одна – понятно, болезнью прячут от глаз подальше. Кто в доме ещё живет, и что значит двуликие?

Я быстро поела, помыла посуду, оставила её на столике, понеслась, как могла, в книжную. В маленькой темной комнате открыла окно, распахнув шторы, увидела огромный шкаф с книгами, что занимал всю стену, у окна стоял стол круглый деревянный и стул со спинкой. Отлично, домашняя библиотека. Пошла опять к себе, взяла полотенце, намочила его водой, вытерла пыль со стула, стола, у части корешков книг и с трепетом взяла первую, что попала под руки. Детские картинки, песни – я понимаю местную азбуку, взяла вторую – повествование о каком-то походе, вернула на место. Оглядела весь шкаф вдумчиво, не спеша, опустила ткань с лица и с самой верхней полки мне захотелось взять толстую книгу в темно-зеленом переплете, огляделась, в углу лестница, отлично.

Выглянула в коридор – никого, на этом этаже, я уже поняла это: комната Белогора и моя из жилых. Закрывает дверь, скинула плащ и шустро стала карабкаться по лестнице, с трудом достала тяжелый фолиант, под мышкой зажала, спустилась, оделась. Фу! Вытерла полотенцем обложку, развернула

стул к окну и с придыханием взяла в руки книгу.

Руки словно почувствовали её. Это не просто книга, это словно спящий мир, она не лежала в руках, ждала, когда мои пальцы нарушат покой и разбудят слова. Я осматривала её, обложка из дерева, обтянутая какой-то кожей (телячьей? овечьей?), на которой ещё угадывается сетка пор — словно кожа помнит, что когда-то дышала.

По углам — потускневшие металлические наугольники, стягивающие кожу, как доспехи на теле воина.

Я развернула обложку. Первая страница. Провела подушечками пальцев: листы плотные, упругие. Чернила не черные, а коричневые, буквы — не печатные, а выведенные пером с неровными штрихами, дрожанием, кляксами, видно, где писец уставал или задумывался — строка плывёт вверх или сжимается. В начале глав красные или синие заглавные буквы, украшенные каким-то орнаментом. На второй странице картинка на весь разворот: птицы с змеиными хвостами, звери с листьями вместо шерсти, красивая женщина верхом на медведе, девушка в окружении трёх волков, красавец с рогами и хвостом обнимает рыжеволосую красавицу, наверное, демон, в центре женщина с белокурыми волосами и зелеными глазами, как звёзды. Мир, который я не знаю, но верю, что он есть. От листов шёл запах пыли, нет - тлена, сладковатый грибок и отголоски дымка - что-то такое ударяло в нос даже сквозь ткань.

Я испытывала трепет, выдохнула и начала читать, нару-

шая покой книги. Читая, я понимала, что во мне ожило то, что я забыла: слова могут быть священны, а бумага – плоть истины.

12.

Я тонула в сказке, читая об истории возникновения мира, в который попала, о жителях, населяющих его.

Земля Велиония.

Это не просто мир, а живое существо, что на языке Древних значит «колыбель теней и света». Земля изначально Богами была поделена на:

Леса Эльфийских Шёпотов, где проживают эльфы – высокие мужчины и женщины с кожей лунного света, большими ушами, способными услышать шёпот листьев и понять, о чём они говорят. Эльфы управляют памятью земли, снами растений, их заклинания – не слова, а мелодии, которые поют деревья- хранители. Живут эльфы в городах, вплетенных в кроны гигантских деревьев, у них нет письменности – свою историю они хранят в узорах на листьях. Они живут тысячи лет, их философия: «Всё, что рождается, должно успеть расцвести. Спешка - оскорбление вечности».

Волкодолье. Жители лесов и степей – оборотни-волки. Они живут по звериному сердцу, по зову Луны. В человеческом облике глаза их меняют цвет от золотого до желтого. В звериной форме не просто волки, а существа размером с коня. Их оборот – не проклятие, а дар, диалог с дикой частью души. Оборачиваются оборотни по желанию, живут кланами-стаями, их закон: «Кровь за кровь, верность за вер-

ность». Чтят старейшин, чьи седины – отметины пережитых оборотов. У оборотней есть истинность – дар, соединяющий женское и мужское в пару, неделимое целое. Их философия: «Два раздвоения в одной груди – полнота, награда Луны».

Гнездо Хранителя. Это поселение с пещерами-дворцами, которое заселяют драконы. Драконы – не просто ящеры, а существа из плоти, камня и снов. Их магия – дыхание, одни дышат огнем, другие – звездным холодом, третьи – вихрем песков. Самые древние говорят с горами и реками. Драконы – двуликие, как и оборотни-волки, принимают облик ящера по желанию. Вознаграждены истинностью, в результате которой мир одаривается драконом. Как и эльфы живут до тысячи лет. Драконы могут вдыхать эмоции и хранить их в кристаллах, которые потом светятся внутренним светом.

Орчи пещеры. Жители скал и пещер – орки, сильны духом и телом, кожа имеет оттенок болотной зелени, приземистые и мускулистые, с клыками. Они кузнецы, рудокопы, следопыты и охотники, философы и хранители преданий. Несмотря на устрашающий вид, существа мирные, добродушные, искусны в резьбе по кости и камню, дружны с гномами. Понятие чести — ключевое. Нарушить слово — хуже смерти. Предатель изгоняется не из поселения, а из реальности — его имя стирают из всех песен, о нём запрещено говорить, как будто его никогда не было. Письменность – руническая. Орки – зеркало, в котором другие расы видят ту часть себя, которую боятся признать: красота – бывает суровой. Верные

семьянины.

Я не могла оторваться, читала взхлеб, не ощущая тяжелой ноши на спине. Солнце садилось. Я поднялась, вот теперь отчетливо и болезненно чувствуя поясницу, отыскивала огниво для фитиля, что предусмотрительно было рядом со светильником, подожгла, оживив несколько светильников, уселась снова.

И появились в Велионии демоны. Они не были созданы Богами.

Они появились, когда разумными существами стали овладевать пороки: ненависть, гордыня, гнев, зависть, злоба, корысть, властолюбие. Демоны не имели единого облика, их форма - отражение порока. Демон гордыни – прекрасен до мурашек, демон уныния – сер как тень, демон гнева – существо из раскаленных мышц. Их глаза пустые, без души. Их узнавали по бездонным глазам. Демоны питались плохими эмоциями, они игроки, мастера обманов. Чем больше в существах было пороков, тем больше демонов рождалось.

Тогда вмешались Боги и подарили Велионии обереги-ведуньев.

Ведьмы. Созданы были ведуньи как соблазн для демонов, и как угроза. Обладая даром видения всех пороков и достоинств, ведьмы были посланы исцелить зло в существах, не давая пищи для демонов. Они пели, танцевали, исцеляли сво-

ей любовью, заботой, дружбой, преданностью, нежностью, давая надежды и возможности.

Никто и не предполагал, что демон полюбит ведьму, а полюбив, сам искоренит свои пороки.

И тогда миру был дан шанс жить в мире и созидании, ведь любовь – высшая благодать в мире.

Демоны и ведьмы создавали самые крепкие и любящие союзы. Появлялись в таких союзах высшие сильные демоны, обладающие даром предвидения, умению договариваться, строить прекрасные дома, они стали созидателями, уравнителями плохого и хорошего, зла и добра, порока и добродетели, ведь тот, кто смог исправиться и очиститься сам, становился неуязвимым, божественным. Они стали самыми могущественными и сильными, как внешне - телом, так и внутренне - духом, к ним приходили за советом, помощью. Пороки остались, но существа теперь сами с ними боролись или призывали на помощь ведьм-целителей. В союзах истинных пар ведьм и демонов рождались и сильные ведьмы-целительницы, способные видеть недуг на расстоянии, чувствовать его и искоренять из плоти.

Не все демоны исцелились. Не найдя, чем питаться, демоны озверели и стали ведьм убивать. Жестоко.

Под разными личинами приходили к ведуньям демоны, убивали их, брали в рабство, насильничали. Мир погряз в хаосе, расы разъединились, внутри рас стала происходить вражда.

Ведьмы предпочли смерть, чем быть в удобном услужении у демонов, у их пороков. Целительниц не стало. Мир загрузил. Как они в один миг пришли в мир, так и исчезли. С ними исчезла и страсть, и радость жизни, и игривость, и целительство истинное.

Как и демонов не стало, их сожгла земля Велиония, в их собственных домах.

Белогор.

Я дошла до Белогора. С колотящимся сердцем, жадно начала читать. Имя его шло отдельной главой. Все эти записи сопровождались картинками, почерк был крупный, я прочитала почти всю книгу. Перевернула очередную плотную страницу.

В лесах Волкодолья ранней весной под пение птиц из берлоги вылезла медведица с медвежонком, громко завывала, призывая силы земли, отдавая себя миру, Богам. Её сынок, маленький бурый медвежонок обернулся в человека. Осии был дарован царь леса, владыка леса, мудрый правитель Белогор.

Я видела размытые кляксы, словно писавший плакал.

Белогора вырастила волчица Мариша - старейшина стаи оборотней-волков в тайне от вожака стаи.

Белогор в честной схватке убил черного волка, вожака,

что злобой и коварством своим мешал стае жить в доброте. Белогор стал владыкой, почитаемым оборотнями-волками, мудрым, единственным медведем-оборотнем в Велионии.

На полной луне было видение Мариши: будет у Белогора истинная пара, как у волков – подарок Богов.

Я отвела глаза от страницы, выдыхая, потянула шеей в разные стороны, отложила книгу на стол и посмотрела в окно, увидев Белогора в отражении, резко обернулась, спохватилась, уткнулась в колени, цепляя ткань на лоб, закрывая ею глаза.

Надеюсь, в темноте не увидел цвет. Напугал медведь.

- Я заходил уже много раз, ты всё читала. Как ты достала её?

- С трудом.

Он усмехнулся, качая головой в стороны.

- Пропустила ужин. Дойдешь сама?

Не уж-то нести меня собрался?

- Дойду.

Я встала и резко согнулась в коленях, падая. Спина затекла сильно, я просидела несколько часов в одной позе с грузом, ноги не слушались.

Меня подхватили сильные руки и понесли. Я посмотрела на мужчину вблизи, очень близко, он тоже смотрел, поверх носа, на мою тряпицу, но будто в глаза.

- Как ноги? Сегодня посмотрим вас или завтра?

- Ты устала, давай завтра с утра, Стеша.

13.

Я приняла душ. Съела весь ужин больше из уважения, чем от голода, помыла посуду и завалилась под одеяло. Легла снова на бок.

Так, что мы имеем: двуликие – это оборотни, я ведьма, и если бы жила здесь с рождения, то мои папа с мамой, возможно, были бы демоном и ведьмой. Прикольненько. Белогор. Ну, тут прям не прикопаешься, прям такой хороший, аж раздражает. А чего это я? Стеша... Не ведись, у него своя жизнь, истинная где-то. Вылечу его, побежит – отыщет свою зазнобу, про меня и вспомнит пару раз, может. Эх!

Если в библиотеку не заходили 20 лет, зверя нет у Белогора – 30, Марише – восемь сотен, сколько владыке интересно? Долгожители в Велионии, однако.

Я представляла волков, размером с коня, эльфов, драконов, орков, демонов и, конечно, ведьм, погружаясь в царство морфея.

Стук. Открыла глаз.

- Сейчас, Мариша, - крикнула, потягиваясь.

- Это Белогор.

Я резко села, привыкая уже к камню на спине.

- Я оденусь, приду сама.

- Жду.

Сам доковылял – это хорошо!

Умылась, полюбовалась собой, принимая решение: этой ночью спать без горба - стучатся все.

Перед дверью владыки постучалась, открыл сам Белогор.

- Доброе утро, владыка!

- Мир дню твоему, Стеша!

Я замерла, он внимательно посмотрел своими умными и добрыми глазами. Учит, зараза, так ненавязчиво.

- И твоему, владыка, мир!

Он засмеялся.

- Уважь меня, позаутренней со мной.

На столе уже было расставлено на две персоны.

- С удовольствием, владыка.

Я пошла к столу, он, медленно ступая, шел тоже к столу. Болят так, что и мне отдается болью сильной, вот же ж, терпеливый мужик.

- Стеша, а твой дом далеко?

- Далеко, Белогор.

Он был тактичен, ему тоже, наверное, любопытно, как и мне, многое.

- А дома тебя ждут?

- Давайте, владыка, делом займемся. Еда вкусная, спасибо.

Он кивнул, опустив взгляд.

- Говори, что делать.

Я задумалась, прислушиваясь к интуиции. Ноги его видела, спину и грудь осмотреть, хотя, что я там увижу, ладно,

осмотр есть осмотр.

- Снимайте рубаху, закатывайте штаны до колен и ложитесь на ковер, сначала на живот, потом на спину.

Он послушно захватил подол рубахи одной рукой и снял через голову. Я чуть не заорала от восторга эстетического. Спина, даже расслабленная, выглядела бугристой из-за мускулов, захотелось коснуться. А я сейчас и полапаю его, отведу душу, хорошо, что в маске, глаза поди, как у кошки блесят. Мне смешно стало от мыслей своих.

Белогор закатал штанины, лег на живот.

«Это чё, всё мне?»

Вздыхнула и первое, что сделала, это сняла боль, положив ладони на ступни, уже со знанием дела. Собрала ноющую чернь в ладони, подняла к шее, задержала в горе, собралась и одним резким и шумным выдохом выпустила наружу. Отлично! Положив руки на поясницу, видела, что болезнь подпитывается чем-то, уходит, а потом приходит.

- В доме твоём, Белогор, все проверенные...

«Люди» хотела сказать.

- Меня не травят, Стеша, в доме все свои.

- Хорошо.

Спину его мощную трогать не стала. В Гарме своей уверен тоже, вот, ревную что ли.

- Переворачивайтесь.

Он перевернулся, на пах смотреть не стала, а хотелось, вот прям хотелось, очень. Грудь, покрытая волосами темно-ру-

сыми, от пупка дорожка из волос уходит за пояс, могуч. Увидела на груди костяную подвеску на потрепавшейся со временем веревочке. Подвинулась ближе. Носом в неё уткнулась, всматривалась, даже ткань опустила с глаз, Белогор тоже голову поднял, смотрел, что я делаю. Я! Увидела! проклятье, порчу на смерть. Натянула на глаза ткань, села и, закрыв лицо руками поверх тряпки, приходила в себя. Проклятье это было на смерть, на смерть скорую. Как он сдюжил, справился как с ним? Сильное проклятье.

Он сел, взял меня за руки, утопил в своих ладонях широкими мои, что я, конечно, неосознанно вытащила из-под балахона своего.

- Что, Стеша?

- Ты здоров будешь сегодня уже, Белогор.

Он спину выпрямил, глаза заблестели, не моргая, смотрел на меня. Мне хотелось скинуть повязку. Обнять его. Я обращалась то на "вы" к владыке, то на "ты" перескакивала, как к близкому, кому помочь очень хочу, и не ради своего исцеления, а ради его.

- Откуда это?

Я показала пальцем на подвеску в форме монеты с какими-то надписями.

- Это мне уважаемый волк стаи отдал, сказал, что матушку мою знал, оберег это от неё, она, умирая, передала для меня. Не знал я матушки, она жизнь свою за меня отдала, это всё, что осталось от неё.

- Ложь.

Он напрягся.

- В этом камне проклятие на смерть твою, каждый день хворь от ног пробирается к сердцу твоему, тебя, видимо, зверь твой охраняет, не пускает дальше, борется за тебя, как может, хоть и спит.

- Я больше тридцати лет её ношу.

До него стало доходить что-то. Заметила, как он, в одну точку уставившись, вспоминал что-то, выпрямляя спину - «заработали шестерёнки» - хорошо!

- Мариша тоже поверила, - тихо сказал Владыка.

- Снимай, в огонь бросай, первые минуты тяжело будет, стошнить может.

Он поднялся, поверил мне, подошел к огню, снял подвеску, что еле прошла через голову, выдохнул так протяжно, что и мне даже легче стало.

- Вы вообще её не снимали?

- Нет.

- В огонь! В огонь! В огонь!

Я произносила и удивлялась: голос мой скандировал, как заклинание, произнося низко, отчётливо, как команды.

Он на секунду задержался, глянул на меня, открыл топчанную дверцу печи и кинул её, слышался треск громкий, такой, словно не камешек маленький, а вязанка сухих дров была подкинута. Белогор согнулся, стал кашлять, сплёвывая слизь.

- Блюй, пусть выходит всё, давай!

Я держала его за шею, он, стоя на коленях, избавлялся от нечисти. Его выворачивало слизью темно-зелёной, которая, попав на пол, пузырилась, высыхая тут же, образуя пятна коричневого. Минуты три Белогор чистился, потом сел на пятки, согнув ноги, кашлянул и поднял глаза на меня.

- Ну, вот и всё, владыка, поздравляю!

Я улыбалась! Жаль, что он не видит того, как я рада, что я очень счастлива за него! И за себя, что смогла!

Он, стоя на коленях, ринулся на меня, взял в охапку и сжал крепко. Его лицо было с моим рядом, я слышала стук его сердца - громкий и частый, слышала его дыхание, чувствовала его руки. Белогор...

- Ты меня спасла, маленькая смелая пташка. До конца дней своих буду тебе обязан. А я и подумать не смел, берёг, как память о матушке.

Он отпрянул, думая о чем-то, соображая.

Моя миссия закончена, ему, наверное, надо того «уважаемого» волка найти, призвать к ответу, ну и обрадовать свой народ.

Но я чувствовала ещё что-то, будто не доделала я чего-то важного, самого важного. Болезнь ушла, а душа его словно спала.

- А медведь ваш?

- Спит, Стеша, не слышит меня.

- Я пойду к себе, устала.

- Конечно, отдыхай, ужин сегодня для стаи прикажу приготовить, всех угостить, ты почетная гостья, Стеша, самая почетная.

- Спасибо, пойду я.

Он поднялся резво, ощущая силу в ногах, улыбнулся этой силе, меня поднял за подмышки, покружил. Я рассмеялась звонко. Поставил на ковёр и посмотрел внимательно на меня. Поклонился мне до пола самого. Я сглотнула, кивнула сама себе и поплелась в свою комнату.

14.

Смотрела в окно на двор. Как в сказке «и молва трезвонить стала...» по всем домам, что их владыка здоров. Все были довольны. Нет – счастливы, словно победу одержали. Это было заметно по тому, как мужики обнимались, шапки кидали, даже поднимали друг друга и подкидывали, смеялись громко, я улыбалась с ними. Видела, как Белогор вышел в одной рубахе, пар от плеч шёл, он ступал уверенно, вокруг него мужики сгруппировались, окружили своего владыку, обнимали, руку жали, кузнец слезу смахивал. Любит его народ, уважает. Он резко поднял голову на мои окна, и я отскочила в сторону с трепещущим сердцем.

Так, и что это было? Чё это я ломанулась так?

Я села на кровать, утихомиривая своё сердце, что билось, как пташка маленькая, неумелая, точно сказал Белогор – пташка.

В дверь постучали. Он?

Открыла, на пороге стояла Гарма.

- Я пришла вас поблагодарить, спасибо вам от всех жителей стаи. Сегодня мой отец и братья приедут свататься. После обеда отправляется ладья в эльфийские земли, вот выгрузят товар: зерно, сладости, ткань, а волки загрузят мебель, оружие, меха и отплывёт.

- Мне обещали заплатить.

- Сейчас принесу, могу проводить до ладьи.

- Спасибо, пусть Мариша проводит.

Гарма сжала губы, кивнула.

В дверь постучали. Открыла.

- Стеша, а почему уплыть хочешь? Дома ждёт кто?

- Ждёт.

- Или бежишь, Стеша?

- Мне надо уплыть, да, домой, ждут меня.

- Вот, возьми золото, тут на лечебницу хватит с лихвой.

Мариша достала мешок набитый, как трёхлитровая банка объёмом, я заглянула внутрь: крупные золотые монеты, одна к одной.

- Кафтан мой возьми, дорога по холоду будет.

«Жесть, не хочу мерзнуть».

- Тебя в каюту проводят, попрошу, ну, пошли, пока доковыляем, там уже и отплывать.

«Вот так всё здесь и закончится? Может, не уезжать? Сва-ты, свадьба... Что он в этой толстой Гарме нашел? Может, сосёт всегда как в последний раз? Да и хер на него. У эльфов тепло».

- Да, Мариша, пошли, мне бы сумку поудобнее, золото-то тащить.

Мариша ушла.

Через некоторое время принесла мне волчица варежки, платок шерстяной, сумку из толстого сукна с веревками, что можно как рюкзак использовать, даже спереди. Я надела всё

на себя, и мы пошли. Я не хотела уже, чтобы мы с Белогором увиделись, прощаться тяжело. Ему будет меня жалко, а я что, открою тряпку и скажу: «Ха, я вот какая! Гарму бросай, сватов выгоняй». Нет. Здесь всё. Пусть истинную ищет свою. Зверя бы его еще разбудить...

Быть подлинной собой – это не внешность, это как я себя чувствую, а я себя чувствую сильной, красивой, даже с горбом этим тяжелым и с закрытым лицом.

Мы вышли не через центральное крыльцо, а через двор.

- Так быстрее до Сурии дойти, тут ближе.

Мы шли по утоптанной широкой тропинке, кругом было белым-бело. Красиво! Сказочный снежный лес начинался. Мы обогнули несколько деревьев, и я увидела голубую реку.

- О! Красота какая!

- Да, Сурия нас спасает! Стеша, может останешься на пару деньков-то? Ужин сегодня праздничный. Ты такой подарок сделала, Белогора на ноги подняла.

- Нет, домой надо, лечить.

Мариша что-то пролепетала. У берега велела мне подождать. Она что-то говорила мужчинам, у одного я заметила огромные уши из-под платка, что был завязан как бандана, он глянул на меня, кивая волчице. Вместе с Маришей этот ушастый подошел ко мне.

- Приветствую, вас, целительница, рады вас сопровождать до эльфийских лесов.

- Спасибо.

Он, услышав мой голос, удивленно заморгал.

- Капитан Идригилиэс, можно Лис.

- Ну, да, Лис лучше.

Он улыбнулся.

- Стеша.

Мариша смотрела с болью в глазах.

- Мариша, спасибо вам за гостеприимство, вы очень добрая, - я обняла её.

Она расплакалась.

А вот этого не надо, у самой слезы подступают.

- Пташка и есть, береги себя, Стеша. Тебя Белогор всегда будет рад видеть, и я всегда. Чего убегаешь-то? Убегаешь же...

- Мариша, до свидания, может и свидимся.

Убегала я, да...

Лис предоставил предплечье, я облокотилась на него, он увидел мою руку, посмотрел на закрытое тряпкой лицо. Я нацепила варежки.

- Пойдемте, Лис.

Он улыбнулся, повел меня на борт своего судна. Матросы груженный товар закрывали плотной тканью, готовили весла к отплытию. Я помахала Марише и прошла к носу ладьи, увидев там скамейку, села, спина невыносимо ныла, как и сердце, словно я оставляю тут половину его, в Осии.

Я смотрела в даль прозрачную голубую спокойную, опустила повязку, открыв глаза - через ткань кощунственно

смотреть на такую красоту. Меня никто не беспокоил, все занимались своим делом, я слышала незнакомые судходные команды, ладья готовилась к отплытию. Судно покачнулось.

Ну, что! В путь! Я исцелила владыку, теперь уповаю на судьбу.

Дай мне, новый мир, мужа любимого и любящего и ребёночка долгожданного, а еще, направь меня на путь исцеления больных.

Ну, вот, уже заговорила, как местная. Улыбнулась с грустью, утопая взором в красоту реки.

Я любовалась рекой. Вспомнила, что в книге Сурию называли жители земель Лазурной лентой, что означало «дыхание земли». Течение было неспешное, величавое даже, словно шествует, несмотря ни на что, как королева, да.

Я смотрела, восхищаясь, местами на реке были зеркальные плёсы, где небо и вода сливались в единый цвет. Я стала прислушиваться к воде, улавливая тихий бархатный шорох. Сурия приняла зиму и мороз, но не сдалась, выстояла, жила своей жизнью, словно говоря всем: «Я есть!»

И тут Лис громко дал команду:

- Стоп!

Я вздрогнула, выходя из задумчивости и созерцания.

Началась какая-то суета, ладья покачнулась, гребцы поднялись, выстраиваясь. Я обернулась и увидела Белогора, он быстрым уверенным крупным шагом шел по палубе, кафтан зимний нараспашку, без шапки, а, увидев меня, приостано-

вился на миг, вздохнул и зашагал еще быстрее. Я опустила глаза, натягивать на лоб не стала тряпку. Он подошел, присел у ног моих, снял у меня варежки и укутал мои ладони в свои жаркие, сухие, огромные, сминая, словно грея.

- Стеша, не уплывай, останься со мной.

Я закрыла глаза, слезы-предательницы упали на его ладони.

- Не плачь, пташка смелая. Мариша сказала, домой тебе надо.

Я закивала.

- Где твой дом, Стеша?

Я молчала.

- В Сладковке твой дом?

- Да.

Он взял моё лицо в ладони, поднял, я не открывала глаза.

- Нет такого места, Стеша, нет у тебя дома. Сладковка – это ягода дикая, что растёт в лесах.

Я молчала. Подловил.

- Свадьба у тебя скоро. Зачем я тебе? Болезных среди жителей не чувствую. Зачем, Белогор?

- Что у меня скоро? С чего бы это?

- Гарма сказала мне.

Он вздохнул тяжело и раздраженно.

- Ясно всё теперь, а я-то подумал. Не будет никакой свадьбы, Стеша, не будет.

- А сваты?

- Какие сваты?

- Ну, свататься приедут сегодня к тебе отец и братья Гармы.

Он рассмеялся.

- Пошли домой.

- Что я буду делать в твоём доме?

- Вот, как книги все прочитаешь, так и поплывешь, куда захочешь, договорились, пташка?

Я подняла глаза на Белогора. Он открыл рот, ослабил руки, я опустила взгляд, он тут же взял крепче лицо, поднимая.

- Стеша!

Я посмотрела ему в глаза, утопая в его синеве бирюзовой, как в Сурии. Мы смотрели в глаза друг друга несколько секунд, замерев, пока не услышали говор капитана. Белогор резко поднялся, поднял меня и понёс на берег.

- Сумка на скамейке, там золота много, - только и успела вымолвить.

- Лис, в сумке, что на скамье, подарок твой, - не останавливаясь, шагал Белогор.

- Стеша, до новых встреч! - крикнул капитан.

- Пока, Лис!

Белогор посмотрел на меня. Я улыбалась, владыка тоже улыбнулся.

15.

Белогор нёс меня на руках, шел быстро, уверенно, держал крепко, будто я пропаду, в то же время бережно и аккуратно – горб придавал моей фигуре неказистость и уязвимость, да. Я улыбалась. Прибежал за мной - приятно, как же приятно! Я размякла в его руках, чувствуя неописуемое женское удовлетворение.

- Владыка Белогор, я сама могу идти.

Я ликовала.

Он шёл, серьезный такой, не ответил мне, наверное, про глаза мои думает.

- В доме тебя представлю всем.

- Зачем?

- Чтобы знали.

- А много в доме жителей?

- Нет. Маришу ты знаешь, на кухне трудятся Сарп и его суженая Ханна, дом в порядке содержат волчицы Радина и её дочь Гарма. Они все живут на первом этаже. Мы с тобой - на втором. Возле дома несколько изб – там мои помощники, они живут тут или по одиночке, или с семьями, остальная огромная стая - в лесу. Здесь еще живет кузнец, конюхи, охранники-волки.

- На дом могут напасть? Белогор, чем выше крепость, тем больше охотников её сломить.

Он посмотрел на меня озадаченно и вдумчиво.

- С каких земель ты, Стеша?

Я притихла, мы подходили к дому.

Белогор зашел в дом, нас встречали уже. Я увидела Гарму с женщиной постарше, натянула повязку на лоб. Владыка меня опустил на пол, проследив глазами за моим жестом.

- Радина, Гарма, это Стеша, она будет жить в моём доме. Относиться к ней, как ко мне, с почестями и уважением. Если будет еще один промах, Гарма, вы вернетесь в стаю.

Радина закивала, Гарма развернулась и ушла.

Мариша подошла ко мне, мы обнялись.

- Пошли, провожу, пташка, я молилась предкам за тебя, вот и вернули.

Белогор улыбнулся.

Я была очень-очень рада. Побуду тут, почитаю, по лесу похожу, на санях попрошу меня прокатить. Мне стало со-вестно, не хочется Маришу обманывать. Сколько ходить еще с камнем? Но пока я почему-то опасалась открыться, еще присматривалась к новому миру.

В комнату я принесла книги, много книг, уложив стопками на пол у стены. Уселась на кровать и погрузилась в разное чтиво. Попросила у Белогора не брать меня на ужин, который устроил владыка для всех дворовых оборотней прямо на улице, не хотела быть в маске, не хотела врать тем, кто так искренне радуется.

Оборотни веселились. Я слышала смех Гармы, потом за-

звучал какой-то музыкальный инструмент, и я уснула.

Утром ко мне не стучались, я оделась и пошла по дому, спустилась на первый этаж, проходя мимо комнаты, услышала разговор.

- Демон ищет пару?

- Да, он высший, уравниатель.

- Откуда он?

- Кто бы ведал? Уже дом себе возвел в горах, спас волчонка от лап зверя дикого. Отцы ему в ноги кланялись, а он спрашивал о девушке с волосами цвета солнца и глазами цвета травы.

- Таких нет, ведьма это, не там он ищет.

- Он прибудет к тебе, Белогор, на днях, говорит, что пара его у волков в стае.

- Спасибо, Вар, что ж, встретим, посмотрю, как демоны выглядят, только в рукописи и видел, но он ошибается, только что с альфой говорил, нет в стае пришлых. Ты не нашел волка Халима, следопыт?

- Нет, говорят, он как сквозь землю провалился лет тридцать назад, даже вещей не оставил, ищу. Мы не одни, владыка.

- Я знаю, - в голосе Белогора слышался смех, - пташки нам не страшны.

Я округлила глаза, ведь стояла и не дышала. Как они поняли, что я тут? Я потихоньку пошла по коридору на запах и голоса. Услышала разговоры за дверью, постучалась, мне

открыли.

- Ну, наконец-то с тобой познакомимся, пташка. А то все гудят, а мы и не видели, - меня приобняла женщина и затащила в свою вотчину.

- Вы не боитесь меня? Я болезная.

- Пташка, сердце у тебя красивое, а это главное.

Я поклонилась, как могла.

- Спасибо, Ханна.

- Голосок, как Сурия, лазурный, - вставил Сарп.

Он деловито кашеварил и разговаривал.

- Садись, будешь сладость?

- Да.

Мне положили на деревянное блюдо что-то наподобие пряника, маленького, поставили кружку с напитком. Наверное, эта сладость считалась роскошью тут, ну, знамо дело, покупают всё: и муку, и специи.

Я под тканью откусила кусок от пряника, потом оставшийся кусочек в рот с блаженством опустила.

- Ханна, Сарп, очень вкусно! Мёд добавлен, да?

Сладость местная напомнила вкус медовика земного, такой же мягкий, пропитанный и медовый.

Муж и жена переглянулись, бросили свои дела и уселись по бокам от меня, проделывая это синхронно, не сговариваясь. Точно – истинная пара!

- Что? – я опешила.

- Расскажи, откуда ты? Откуда про мёд знаешь?

Я устала скрываться, таскать валун тяжелый, уже привыкая сутулиться, ходить носом в пол. Будь, что будет. Тем более муж с женой с первой минуты расположили к себе, какие-то они свои, родные, открытые, классные.

- Сарп, Ханна, я родилась в Сибири, там, где лето сменяется осенью, а осень - зимой, потом приходит долгожданная бурная весна, а потом - жаркое лето. Зима сибирская такая же, как у вас: снежная, холодная, величавая. Весной просыпается природа, оживает, наполняет мир запахами и красками, я жила там, где леса, похожие на ваш, поля с пшеницей, рожью и разными злаками, в лесах ягоды полно, грибов. Мы жили в городе, но у нас был за городом дом, а потом родители вообще в поселок переехали, нас земля кормила: овощи, ягода. Несколько семей держали пасеку — это специально оборудованное место, где содержатся медоносные пчёлы. Это земельный участок с пчелиными семьями в ульях, инвентарём для их обслуживания и пасечными постройками. Мед бывает и липовый, и гречишный, и цветочный - разный. Мед — и лакомство, и лекарство, нектар Богов, природная аптека, сладкий эликсир, да.

Я вспомнила продавщицу на трассе, Аглаю, отца, маму и сестер своих веселых, брата. Вдохнула.

- Но дом мой так далеко, туда я уже не попаду никогда.

Я замолчала, подняла взор на Ханну и увидела в дверях Белогора. Он стоял, подпирая косяк плечом, и, не моргая, смотрел на меня.

Как я его не почувствовала? Увлелась.

- Познакомились? – прошёл внутрь владыка.

- Да, Белогор, пташка и есть, - сказала Ханна.

- Будешь еще? – спросил Сарп, показывая кивком на пустое блюдо передо мной.

- Спасибо, Сарп, хватит. Мало, да ладно.

Сарп посмотрел на владыку. Вот чего они переглядываются? Да, я другая, привыкайте.

Белогор сел за стол.

- Здесь накрыть? – спросила Ханна.

- Да.

Волчица водрузила на стол котелок с кашей, положила ложки, поставила маленький чайник, две кружки, Сарп – тарелку с хлебом.

- А вам? – я спросила.

- Мы уже ели.

Ханна подтолкнула мужа локтем.

- Пойдем до амбаров, перепелов возьмём, капусты.

Сарп послушно пошёл за волчицей.

Я опустила с глаз повязку, подвинула к себе тарелку, взяла ложку.

- Твои земли похожи на земли Осии, на Волкодолье. Стеша, почему домой ты не попадёшь уже? Тебя там обидели?

- Нет, не обидели, он просто далеко, Белогор.

- Не доплыть? Не добежать? Не долететь?

- Да.

Он вздохнул, качая головой, понимая, что не вытянуть из меня никакой информации. Мы ели.

- Стеша, расскажи про летний лес.

Я посмотрела в глаза этому мужчине, что так деликатен со мной, кому я открыла свои глаза, уже решив, что и о своём появлении в его доме расскажу.

- Белогор, лето в Сибири короче зимы, но такое долгожданное. Летом у меня были каникулы от учебы, у всех детей, мы уезжали сначала к бабушке в деревню, а позже, когда родители купили дом, уже и жили рядом с лесом. Километров двадцать и лес. Я любила ходить с папой за ягодами, да и просто бродить по нему.

Я погрузилась в воспоминания.

- Заходишь в лес – температура падает на два – три градуса сразу, воздух становится другим, плотнее что ли, насыщеннее. Пахнет в лесу не просто зеленью, а смолой сосен, цветущей липой, диким шиповником, мятой, влажной землёй, листвой. Идешь по лесу, замечаешь, как сквозь листву пробивается солнце жидким золотом. В лесу и сосны – великаны, как у вас, и дубы могучие узловатые, и березы белоствольные и гладкие осины. Ниже деревьев папоротники, которые растут целыми зарослями, а ещё ниже красота – цветы. Ландыши, колокольчики, огоньки, зверобой, а поздним летом – грибы. Мы далеко не ходили, детьми были, зверей боялись, но я видела зайцев и лис, птиц разных: дятлов, кукушек, дроздов, синиц, кучу насекомых: кузнечики, пчёлы,

мухи, комары противные.

Ну, и воздух, влажный, лесной, надышишься им, аж голова кругом.

Я смотрела на узоры ложки деревянной, вспоминая, подняла глаза.

Владыка сидел, как маленький ребенок, которому рассказывают сказку о диковинных странах с пиратами, где он главный герой, спасающий принцессу от злодеев. В глазах его читался восторг, удивление и счастье. Я продолжила, с удовольствием окунаясь в своё детство.

- Помню ощущения свои. Кожа покрывалась легкой испариной, но не от жары, а от влажности и жизни вокруг.

Белогор вдохнул воздух учащенно, будто удерживал плач, я посмотрела на него.

- Говори, Стеша, - умоляюще прошептал владыка.

- В лесу ты как маленькая песчинка, но чувствуешь себя частью чего-то огромного и доброжелательного. Я жителей леса особо не видела, но всегда ощущала по следам на влажной земле, по царапинам на деревьях от когтей, по погрызенным шишкам. А один раз увидела глаза в листве – это была лиса. Часто видела барсуков, сов, зайцев и белок.

В лес можно прийти со своим горем, он выслушает. Лес помнит всё, никого не осуждает, его мудрость в величавом принятии, нет прошлого и будущего, есть вечное настоящее.

Вот и ваш лес, Белогор, принял зиму, величаво проходит и этот путь, ожидая весну.

Я посмотрела на него. Из влажных глаз владыки катилась слеза по щеке, пропадая в бороде. Он вытер кулаком влагу.

- Ты подарила мне надежду, Стеша.

- Надо верить. По вере нашей, да будет нам.

Откуда я всё это знала? Сама поражалась себе.

Я отпила напиток из кружки.

- Белогор, а можно в лес? Я пробовала пешком, проваливалась.

- Конечно, Стеша. Сегодня ветер колкий, завтра будет спокойно, я тебя прокачу.

- Спасибо.

Он смотрел в глаза мои внимательно и по-доброму, а ещё я читала во взгляде восхищение и благодарность. Ух! Что же ты делаешь, Белогор?! Сердце моё трепыхалось, он нравился мне. Очень.

16.

На кухню пришли с полными корзинами всякой замороженной снеди Сарп и Ханна, с покрасневшими щеками, улыбающиеся. Сарп и Ханна были, как и все оборотни-волки, темноволосые, крепкого телосложения. Сарп коренастый, чернобородый, а Ханна - полненькая смешливая волчица. Добродушные оба. Мне было с ними легко с первого взгляда, так бывает.

- Спасибо, всё очень вкусно.

- Храни тебя Луна, птишка, - Ханна посмотрела на меня.

Я не подняла повязку, но суетиться не стала, медленно отвела глаза, опустив вниз.

Но похоже волчица увидела мою зелень, замолчала, потом стала деловито расставлять продукты.

- Да, всё вкусно, как всегда, спасибо, мы пойдём, - сказал Белогор.

Я вышла из-за стола, направилась на выход, владыка что-то сказал своим поварам, те закивали.

- Белогор, альфа прибежал, - в дом зашел оборотень Мирро, который приказал меня в подвал поместить.

Мы поздоровались.

- Иду. Стеша, спасибо за заутреннюю.

- Пожалуйста.

- Чем займешься?

- У меня ворох книг.

Он улыбнулся, кивнул.

Я читала и читала, погружаясь в мир Велионии, понимая, что здесь мне жить. Я сделала себе удобный кроватно-читальный зал, сидела, облокотясь на изголовье, положив под спину подушку, накрывшись одеялом, рядом лежал плащ горбатый и маска.

Мариша мне принесла обед, я сказала, что могу спускаться сама на кухню, она была очень рада. Ужинали мы на кухне: я, Мариша, Сарп, Ханна, Радина и Гарма. Белогор был в стае волков.

- Завтра он прибудет? – спросила Гарма Маришу.

- Да, Белогор сказал, чтобы приняли, как почетного гостя, - волчица спокойно жевала.

- Говорят, демоны красивы очень, - не могла уговориться Гарма.

- Тебе владыки мало? - шикнула Радина.

- Сторонится он меня, сама знаешь. Как ноги стали ходить, про меня и забыл, не нужна ему стала.

- Он и не обещал ничего, - ворчала Радина, - сама к нему напрашиваешься. Не гоже так.

Мне стало жаль Гарму, какая-то женская солидарность проснулась. Брошенные женщины везде одинаковы. Первые минуты нашего первого совместного ужина Радина и Гарма косились на меня, а потом уже спокойно ели, обсуждая демона, который так неожиданно спустя триста лет появился

в Велионии, еще и ищет свою суженую, которая якобы сбежала от него.

Я читала допоздна, услышала топот копыт, встала, подглядывая в окно, как Белогор въехал верхом в ворота, как прыгнул резво, отдал конюху вожжи, похлопал животное по боку, благодаря. Красивый мужик! Стряхнул с плеч снег, снял шапку, оббил о бедро и поднял голову на мои окна, я резко села от неожиданности, так так резко, что чуть на поперечный шпагат не уселась, распластавшись на полу.

Блаять. Я начала хохотать. Что-то между нами происходит. Какое-то предвкушение витает, во мне точно. Я на карачках доползла до кровати, улеглась, смеясь, решаясь на разговор с владыкой.

Утром ко мне не стучались. Я уже спала вторую ночь без накидки и без маски. Хорошо! Приняла душ, помыла голову, подождала, когда высохнет копна моя, походив по комнате с распущенными волосами, любуясь на себя в зеркало, оделась, нехотя нацепила плащ, услышала снова топот. Подошла к окну, спрятавшись, делая из штор маленькую щелку.

К гостю бежали два оборотня, открыли внутренние ворота, во двор въехал на коне мужчина. Спешился, взял коня под уздцы и зашагал к дому. Я почему-то вспомнила Владислава с Земли. Похож очень, еще и одет как-то по-земному. Высокий, крепкий как Белогор, в черных брюках, заправленных в высокие сапоги, кожаном черном кафтане с широким

на все плечи воротником меховым, вязаной микро-шапке, тоже черной. Уверенный, властный, даже я, находясь не вблизи, почувствовала ауру его мужскую, доминантную, сильную. Конь был под стать ему: высокий черный красавец.

К нему подбежал конюх, конь заржал.

Я приоткрыла чуть окно, прислушиваясь.

- Чёрный не идет ни к кому, дикий он, пригласите владыку, пожалуйста.

Голос знакомый будто, тембр низкий, бархатный.

- Приветствую вас, владыка Белогор, я ищу свою истинную, мне сказали, что она в стае оборотней. Прошу вас очень, сопроводите меня в стаю, я поищу там, силой никого забирать не буду, если найду, поговорю лишь вначале. Даю слово. Буду признателен вам, отплачу услугой за услугу.

- Величать вас как, демон?

- Владислав.

Я отошла в сторону, сползая по стене, горб задрался на голову.

Совпадение, не иначе, или? Так, чего это я испугалась. Почему демон? Ну, а я почему ведьма? Так, Стеша, без паники. Я перешла на кровать, снимая накидку, сидела, вспоминая Влада с Земли, его лицо, слова. Нет. Совпадение. Этот здоровый очень. Похож просто. Снова услышала топот, выглянула в окно, увидела две крепкие широкие спины: Белогор на пегом коне и демон на своем черном - ускакали. Даже в дом заходить не стал, ищет, не терпится.

Не покатал меня Белогор сегодня по лесу, да.

День пролетел за чтением. За обедом все обсуждали демона.

Я ждала Белогора. Уже поздней ночью решила, что он остался в стае. Вот как проверишь всех женщин? Не быстро это всё. Уснула, оставив один светильник.

Проснулась. Ко мне не стучали. Надо вставать, узнать, вернулся ли владыка. Потянулась, постанывая от удовольствия, выгибаясь грудью наверх. Села, скинула одеяло, развернулась, чтобы слезть с кровати и увидела Белогора. Он сидел за моим маленьким столом, на стуле, расставив ноги, на коленях у него была моя накидка и маска. Я была в легкой хлопковой сорочке на тонких ляпочках, волосы струились по плечам. Он тяжело дышал и жадно смотрел на меня. Молчал. Не двигался.

Может он спит с открытыми глазами? Быстро пробегу.

Я вздохнула.

- Я сегодня хотела всё рассказать, Белогор.

Услыша голос мой, моргнул. Молча смотрел на волосы, лицо, ключицы, руки, грудь.

Я села на кровать, свесив ноги, поставила ступни на пол. Сорочка поднялась, оголив колени. Смотрел, молчал.

- Белогор, я попала в Велионию с Земли, это другой мир. Меня перенёс дух, сказал, что я исцелюсь, исцеляя тебя. Я в своём мире не могла выносить ребенка. Беременела, но не могла выносить, я очень хочу быть мамой. Голос мне сказал,

чтобы я носила камень на плечах и маску, и глаза показала лишь тому, кому доверюсь. На ужин не пошла к твоему народу потому, что обманывать не хотела. Прости меня, что таилась столько. Я уеду.

Он так и молчал, всё смотрел и смотрел.

Я встала, пошла к нему, встала около него. Он наконец-то поднял руку, трогая мои волосы, потом легко коснулся руки, резко скинул накидку с колен, обхватил меня ручищами, усаживая на себя. Я охнула, оказавшись верхом на мужчине, сорочка оголила бедра. Он тяжело дышал.

- Настоящая, - выдохнул.

- Белогор, да, я так выгляжу.

- Я летел к тебе, понял, что скучаю по тебе, пташка, разбудить хотел, поговорить, увидел светлокудрую нимфу в кровати, рядом тряпка с горбом, думал: умер я, и мне видения приходят.

- Я настоящая, я не знала здесь ничего, Белогор, опасалась открыться.

- Пташка моя, - он трогал волосы.

Я сидела на бёдрах мужчины, чувствуя его эрекцию.

- Твоё лицо, - он трогал мои щеки.

- Я пожелала, чтобы видевший меня лицезрел лицо моей подруги, оно обожжено сильно, несчастный случай в детстве, Гарма его и увидела. Я ведьма, Белогор.

- Как глаза твои увидел, понял это, как голос твой услышал, понял, что не смогу без него, - он говорил, глядя в глаза

мои, - Стеша.

- Белогор, - выдохнула я.

Рушились все мои бастионы, вся моя стойкость в такой близости с ним.

Он руки запустил в волосы, и я обхватила его за шею. Вот, чего я хотела: прижаться к нему, обнять его. Он простонал громко, прислоняясь щекой к моей щеке. Я тоже запустила руки в его волосы и наткнулась на что-то твердое, гребень какой-то.

Отпрянула резко. Он поднял глаза на меня соловые пьяные.

- Белогор, в волосах у тебя что?

Он провёл по волосам, зачесывая пятернёй от лба к макушке. Я взяла его руку за запястье, запуская от загривка в волосы. Он спокойно провёл, пропуская волосы через пальцы, словно не чувствуя ничего. Вот это да!

- У тебя в волосах гребень, я его чувствую, заговор это, владыка.

Он стал выдыхать рвано, не понимая, о чем я. Я, не думая и не спрашивая Белогора, зацепила и на себя потянула этот гребень, дёрнула, выкидывая на пол. Гребень раскололся на кусочки.

- Я не чувствовал ничего, Стеша.

Белогор завыл, задышал как зверь, громко, часто, с рычанием. Я стала слазить с его колен, испугавшись его горловых и грудных рыков, он же, напротив, меня вжимал в себя.

- Стеша, моя Стеша, моя, моя!

Он уткнулся мне в шею, втягивая воздух, поднялся на ноги вместе со мной, поднимая меня как пушинку. Я стала чувствовать, что он растёт, увеличивается, слыша, как кости его трещат. Спрыгнула на пол, вырываясь из его рук, видя, как Белогор, увеличиваясь в разы, обрастает шерстью, лицо превращается в звериную морду, руки - в мохнатые лапы. Я запрыгнула на кровать. Передо мной предстал огромный бурый медведь на задних лапах, остатки одежды Белогора висели на звере. Медведь смотрел на меня, потом подался вперед, падая на передние лапы и шагнул ко мне. Я заорала на всю глотку:

- Белогоооор!

То ли хотела его вернуть, то ли позвать...

17.

Через несколько секунд забежала Мариша, за ней ввалились с лицами: убью всех - Сарп и Ханна.

- Мариша, это я, Стеша, я достала у Белогора из волос гребень, он в медведя превратился, - взволнованно тараторила я.

Мариша учащенно моргала, открыв рот, показывая руками за спину.

- Горба нет у меня, никогда не было, я носила накидку, так надо было, Мариша, потом расскажу, - показывая на пол, где валялся мой черный плащ горкой, пылко и быстро говорила.

Ханна заревела белугой, громко. Надеюсь, от счастья. Вот Сарп в восхищении смотрел на медведя, да.

В комнату забежал крупный чернобородый мужик с огромной дубиной, притормозил, оценивая ситуацию и уставился на меня. Медведь встал на задние лапы, закрывая собой меня, да как заревёт на него, разметая слюни. Тот голову опустил низко мгновенно, дубину - тоже.

- Истинная она, пара она владыке, - говорил Сарп.

- Стеша, дочка, красивая какая, ведьмочка что ли, пара моему Бурушке, беленькая вся, пара, радость-то какая, - ожила Мариша.

В комнату заглядывали Радина с Гармой, делились между собой эмоционально всем, что видели. Медведь загоразивал

меня, рычал на всех. Все стояли поодаль от него, кто-то в коридоре, комнатка моя не умещала всех, я видела, что всем и боязно, и радостно, и любопытно одновременно.

Кто-то выкрикивал про истинность, Мариша и Ханна, рыдая, причитали в голос, тут же смеялись и обнимались. Бородач черный превратился в волка огромного, черного, как смола, вилял задом, порывая радостно.

Перед глазами всё плыло, в ушах смешались голоса, я не успевала слушать и соображать, в нос бил запах огромного медведя (нотками сладких сухофруктов и прелой листвы), что стоял передо мной спиной и дышал, как человек.

- Весна! Вес-наааа!

Кричали басы на улице.

В глазах замелькало, я провалилась в темноту.

Открыла глаза. Лежу, не шевелясь, вспоминая всё, что произошло. В нос вошел воздух, свежий и теплый, весенний – его не ступаешь. Из открытого окна доносился залихватский гомон птиц. Я привстала на предплечьях, оборачиваясь на звуки – точно - открыто окно, небо голубое, ясное. Я в кровати владыки. Рядом с кроватью на деревянном стуле без спинки, наподобие табурета, сидит Белогор. Смотрит. Молчит. Дежавю.

Мне стало смешно, повторить прошлую вакханалию, после которой я провалилась в обморок, мне не хотелось. Я легла на бок, опираясь на предплечье, укладывая щеку на ла-

донь, смотрела в его глаза и улыбалась. Он был в свободной простой хлопковой косоворотке, и таких же свободных штанах, босой. Мне показалось, что он ещё больше стал, крупнее и красивее, да.

Он смотрел. Смотрел жадно. Я видела в его глазах любовь, восхищение, обожание, а еще он смотрел так, будто мы прожили уже лет сто вместе, во взгляде я читала: «Ты моя, родная». Я это чувствовала душой, сердцем – впервые со мной такое...

Бретель от сорочки поползла с плеча, Белогор проследил за ней, вернулся снова в глаза. Я пошевелила плечом, улыбаясь ещё шире и играя бровями. Он сглотнул шумно. Белогор встал. Мужчина заполнил собой немаленькое пространство. Крупный. Красивый. Уверенный. Голодный, а вот это я поняла по внушительной эрекции, что натянула легкие домашние штаны. Он был без трусов, бедра мои сжались непроизвольно. Владыка одной рукой снял рубаху через голову, положил её на табурет, развязал завязки на штанах и опустил их вниз, перешагнул. Он был обнажен. Мать моя, женщина. Сейчас будет секс. Сердце моё заколотилось, в подушечках пальцев закололо от волнения и предвкушения, низ живота потяжелел мгновенно, дыхание стало сбиваться. Его член, как вылепленный из камня, стоял, головка крупная влажная блестящая, ствол в венках, яички поджаты. Хорош! Он шагнул. Я шумно выдохнула. Ещё шаг, коленом упёрся на кровать, прогибая, лег, тут же навис надо мной. Я протяжно вы-

дохнула. Мы потянулись друг к другу носами.

Он не касался меня своим телом, висел на предплечьях, носом провел по виску, замычал хрипло. Я обхватила его шею, вжимаясь сама в его грудь сосками, простонала от кайфа. Его передернуло, и он лег на меня. И я почувствовала самую приятную тяжесть. Мужчины. Как мне стало хорошо. Он пах летним лесом. Запрокинув голову, я вжималась в него, он со стоном захватил мой рот, я тут же выпустила язык, мы встретились. Всё! Я люблю его! Я это знаю! Широкими и властными мазками исследовал мой рот, играя с моим языком. Я хотела почувствовать его телом, стала хаотично и судорожно задирать свою сорочку. Он поднялся на локтях, укусил губами мой подбородок. Я выдохнула шумно. Белогор сминал сорочку, поднимая её по телу, я помогала.

- Рви! – не выдержала.

Он захватил снизу подол, разрывая ночнушку на две половины. Застыл, увидев моё тело, открыв рот, задышал порывисто. Разглядывал грудь, живот, лобок. Голод! В его глазах был голод. Какой же это кайф, когда тебя так хотят! Он нежно подушечками пальцев коснулся лобка.

- Гладко! Нежная!

Я не могла уже держаться, я так никогда не желала секса, как сейчас, я так никогда не желала ни одного мужчину, да. Меня начало колотить. Белогор с мычанием стал хватать губами моё тело, проходя по животу, бедрам, поднялся к груди, я сама ухватила его за голову, прижимая к себе, он во-

брал сосок, и я застонала. Он вынул язык, играя с соском, кружил. Я почувствовала влагу между ног. Он оторвался от сосков, провел руками от груди по внешней стороне талии и по бедрам. Белогор смотрел и трогал моё тело, а потом завел руки за талию, обхватил меня в кольцо и лег, уместив свою русую голову мне на живот. Носом терся, вдыхал шумно. Я запустила пальцы в его волосы. Мужчина меня держал как великое сокровище, как драгоценность. Я откинула голову, чувствуя, как слезинки вытекают из глаз. Он так и лежал, нюхал меня, уткнувшись в живот, потом поцеловал пупок, стал разглядывать промежность, я уже рвано дышала, чувствуя, как возбуждение гуляет по телу. Не удержалась, я хотела его! - развела ноги. Глаза Белогора стали темно-синими, ноздри раздувались, он замычал хрипло и лег между моих ног, уткнулся носом в промежность, заводя его между половых губ. Я крикнула от избытка и остроты ощущений, что захлёстывали меня. Он с рыком стал лизать меня между ног, держа мои бедра, вылизывать, постанывая. Я откинула голову, закрыла глаза, видела переливы радуги, всплески волн, вспышки солнца, я летела над землёй. Ноги мои трусили мелкой дрожью, я не могла собрать их, тело жило своей безумной жизнью. Я впервые чувствовала такой отклик на мужчину. А когда он затряс головой в разные стороны, рыча от кайфа, я вытянула ноги, чувствуя острую необходимость члена – большого, налитого, его – Белогора – в себе, получить его внутрь, немедленно. Белогор задел языком клитор,

потом всосал его, и мое тело выгнулось дугой. Пятками я уперлась в кровать, руки и ноги затряслись, за задворками сознания почувствовала вес Белогора, как он аккуратно вводит член в меня, хрипит и шипит, сама со стоном толкнулась на него, поднимая таз, получая наконец-то такую необходимую наполненность. Нет больше пустоты. Всё идеально! Как надо! Я услышала громкий стон – мой! Да! Обхватила ногами Белогора, вжимаясь, он зарычал и задвигался. Я билась в судорогах и орала – было невыносимо прекрасно, мучительно божественно, остро, великолепно. Я пульсировала там, впервые в жизни получая от секса такое удовольствие. Первый мой такой оргазм, когда не понимаешь, кто ты? – человек, птица, облако – нет тела, есть только эйфория, она затапливает каждую клетку и хочется рыдать, и смеяться одновременно. Я почувствовала острую боль в шее, нет не боль – укол, от чего экстаз закрутился с новой силой. Я, кажется, орала, слышала крик, наверное, мой, я люблю его, да! Я люблю его!

Я разлепила глаза от поцелуев. Белогор целовал мои глаза, брови, лоб, щеки, губы, шею, держа в ладонях моё лицо.

- Я тоже тебя люблю, пташка!

- Я признавалась тебе в любви? – еле ворочая языком, пробухтела.

- Да, много раз, смелая моя, любимая, долгожданная, красивая, ведьмочка моя.

- Ну, наконец-то разговорился, а то я уже думала: онемел от счастья.

Он загоготал, утыкаясь мне в шею.

- Ммм, - замычала.

- Это метка, пройдёт, сейчас-сейчас.

Белогор стал целовать в место укуса, а я чувствовала его член, что тыкался в моё бедро.

Я потянулась и взяла его в руку.

Белогор прекратил поцелуи, выдохнул в шею протяжно.

Мне нравилась его реакция, меня покорял Белогор ненасытностью мною, таким откликом на мои касания.

Я, выгибаясь как кошка, оттопыривая попу, спустилась к члену и уставилась на него. Белогор приподнялся на локтях, смотрел.

- Красивый член, как владыка, сильный, могучий, так и просится в ротик, - тягуче прошептала.

Я себя не узнавала, впервые в жизни мне захотелось взять в рот, да так хотелось, что слюна образовалась в полости, промежность сводило от желания.

Я видела, как мужское тело реагирует, посылая редкие, но сильные подрагивания, провела по стволу носом, и Белогор стал дышать часто и шумно. Я высунула язык, поднесла кончик к головке пениса и замерла, обдавая дыханием горячим. Головка увеличилась, набухла, потемнела. Живот и грудь моего владыки ходили ходуном.

- Ведьма, - и умоляюще, и восхищенно произнёс Белогор.

«Да!» - отдалось в голове.

Я горячими жадными губами обхватила головку и слегка всосала.

- Аааа! – протяжный мужской низкий стон.

Мужской стон удовольствия вошёл в меня миллионами мурашек счастья, возбуждая, наполняя нежностью и силой, уверенностью. Я опустилась до горла по пенису. Ноги Белогора вздрагивали, он пьяными от блаженства глазами смотрел на свой член, что утопает между моих губ, я подняла глаза на него, и стала набирать скорость, опускаться и подниматься, чувствуя слюни, выпустила их, намочив и без того мокрый и вязкий пенис, опустилась еще. И тут я попала в рай для моих ушей: Белогор закричал. Крик от острого и яркого оргазма не спутаешь, так не кричат в беде или от боли, так кричат от блаженства. Крик - стон, низкий, вибрирующий, грудной.

18.

В дверь постучали.

«Надеюсь, не спасать владыку пришли мужики с дубинами?»

Я улыбалась от удовольствия, удовлетворения, неги, потягивалась.

Белогор поднялся, простыню обвязал бедра, открыл дверь, взял поднос у Мариши (увидела подол её юбки), на котором лежала разная вкуснятина и поставил его на кровать.

Мы ели в постели, кормили друг друга, целовались бесконечно.

Потом владыка убрал поднос, подмял меня, укладывая на кровать, лег рядом, носом уткнувшись в мой, нежно тряся головой.

- Стеша, ты моя истинная пара. Это подарок Богов. С первых минут ты покорила меня своей храбростью, щедростью, добротой. Мой зверь без тебя умрет, и я без тебя не смогу жить.

Вся моя весёлость прошла, я замерла.

- Как умрёт?

- Так, - просто ответил Белогор, - зверь без пары ровно наполовину живёт. Охотится, просыпается – уходит ко сну, вступает в стаю, занимает там какое-то место, а встретив истинную, свою половину, обретает истинное назначе-

ние, смысл, свою роль, он обретает счастье. Потеряв пару, он уже не сможет, как раньше.

- Ты рад, что встретил меня?

Он взял в широкие ладони моё лицо.

- Пташка моя, глупенькая, смелая моя канарейка, ведьмочка моя маленькая, я самый счастливый, любимая. Расскажи мне всё, как ты попала в Осию, про свой мир расскажи.

- Белогор, - я погладила его по лицу, он взял мою руку и поцеловал в ладонь, положил на грудь себе, слушая.

- Я работала врачом, женским, лекарем значит, исцеляла женские недуги, но сама не могла выносить ребёнка. Я беременела девять раз, шесть раз моё тело отвергло плод, выкидыши случались, три раза мне искусственно вводили сперму, но тоже тело отвергло.

- Чьё семя тебе вводили? От кого ты несла?

Белогор спросил это тихо, но напряженно.

- Я была замужем, Белогор.

Он сжал мою руку крепко, вжимая в свою грудь.

- Я тебя не отдам ему, Стеша. Где он? Ты любишь мужа всего? Ты хочешь вернуться обратно?

Вот как ему сказать, что я Павла-то ни разу и не вспомнила в новом мире.

- Белогор, ты любишь Гарму?

Белогор удивленно заморгал.

- Кого?

- Гарму?

Он внимательно и недоумённо посмотрел на меня.

- Я никогда никого не любил, Стеша, до тебя. Разве что Маришу, как мать.

- Вот и я, Белогор, никогда до тебя не любила. Если бы любила мужа, то старалась бы исцелиться в своём мире, вдвоём пройти исцеление, а я даже лицо плохо его помню сейчас.

Он голову снова уместил на живот мой, целуя его, нашептывая, от пупка рисовал круги поцелуями, говоря тихо, с закрытыми глазами.

- Ты с Гармой помягче будь, жаль её.

- Я ничего не обещал ей, пташка, мы не говорили даже об этом, и это было несколько раз, прости.

- А женщинам и не надо обещать, Белогор. Ты был в её постели – она сама уже за тебя всё придумала, всё решила, в это свято веря.

Мы молча лежали, он гладил меня, широкими мазками ходил по телу, задерживаясь на ягодицах, груди, бедрах, сминая плоть как тесто, нюхал кожу, играл с моими волосами, пропуская их через пальцы, касался их, разглядывал. Я впервые в жизни не ждала от близости ничего: ни оргазма, ни беременности – ничего. Расслабилась и получила самое потрясающее удовольствие, единение с мужчиной, за всю мою жизнь, немаленькую, надо сказать, жизнь. Я провела по груди Белогора, опустилась к его паху, зарылась пальцами в мягкие темно-русые волосы на лобке, касаясь подушечками

основания члена, положила голову ему на плечо и затихла, слушая сердце своего мужа. Да, мужа. самого настоящего, с кем хочу, как говорила Аглая: «да прилепится жена к мужу», прилепиться. Слепиться с ним хочу. Белогор, словно слыша мои мысли, поцеловал меня в макушку, вдыхая шумно волосы, сказал:

- Ведьма моя, любимая, жена моя, первая за столько лет ведьма и моя.

Я подняла на него лицо, он опустил голову, мы утонули в глазах друг друга, и, не сговариваясь, одновременно потянулись губами навстречу.

Член под рукой снова наливался, я взяла его в кулак у основания, чувствуя, как он твердеет, расширяться у меня в руке.

Белогор стал целовать грудь, лоя жадно соски, свёл вместе полушария, уткнулся между грудей и замычал, я обняла его за плечи, обвила ногами его за талию, он прошипел.

Я быстро возбуждалась, чувствуя, как нестерпимо хочется члена, что только что чувствовала в руке, бархатистый на ощупь, наполненный силой, твердый, чтобы он входил плотно, двигался, задевая все мои чувствительные зоны. Провела ноготками по спине Белогора. Мой мужчина. Моя любовь. Утыкаясь мне в шею, он плавно и на всю длину вошел в меня, я от кайфа укусила его в плечо, он рыкнул от удовольствия. Белогор перевернул меня на живот, поднял таз и вошел сзади. Мы занимались любовью, как дикие и соскучившиеся по ласке безумцы. Я чувствовала его любовь, да. Я

люблю его, да.

- Мне Мариша с первого дня о тебе говорила, что с тобой нельзя неуважительно, и не потому, что ты мне ноги вернула, а потому, что в тебе есть глубинное уважение к себе, и оно передаётся к другим.

Я облокотилась на локоть, слушая. Я и вправду была такой, не заслуживала любовь ни родителей, ни учителей, ни подруг, ни мужа, ни начальника, ни преподавателей, я была ценна сама перед собой. Всегда.

Белогор устался на мою грудь, что свесилась на бок, сглотнул.

- Стеша, я не могу насытиться тобой, - он стал кусать мякоть груди, засасывать плоть.

Я хохотала.

- Мы уже вторую неделю в кровати живём.

Я притихла, ошарашенно уставилась:

- Сколько?

Я была поражена тем, что не замечала, когда день сменялся ночью. Мы иногда занимались любовью часами, потом ели, говорили и спали, потом опять ласкались. Я рассказала ему о Земле, о быте, технологиях, достижениях, взаимоотношениях, традициях, Белогор поделился бытоустройством Велионии, их традициями, укладом.

- Очень хочу покатать тебя по лесу, там весна бушует.

- И я хочу. Пошли?

Он резко подскочил, взял меня на руки и стал кружить по

комнате, потом поставил на кровать, любуясь.

- Будут смотреть все на тебя, ты первая ведьма за столько лет, зверь будет рычать. Ты моя, ему тяжело, когда самцы смотрят на его пару.

- Я твоя, Белогор. Ты – мой.

Осыпая поцелуями бедра, живот, грудь, мой муж говорил мне комплементы, а потом поцеловал в лобок. Так нежно, что я выгнулась, подставляя себя.

19.

Мы искупались в помывочной, Белогор расчесывал мои волосы, восхищаясь ими: цветом, длиной, красотой, пропускал между пальцев пряди. Потом преподнёс аккуратно сложенную стопкой одежду.

- Стеша, это Мариша приготовила.

- Спасибо.

- Мы погуляем сейчас по лесу, я тебя представлю стае. Все уже жаждалось нас.

- О, волнительно.

- Ты очень сильная, красивая и смелая, Стеша. Ты ведьма. Это им всем волнительно.

- Я вижу недуги, Белогор, могу их искоренять из тела, про лечебницу думала не раз.

- Моя умница, будет тебе лечебница. Я одену тебя.

Он смотрел, как я заплела косу, затем, целуя каждый сантиметр тела, Белогор одел мне трусы, бюст, легкую сорочку, платье, завязал шнуровку на спине и на поясе, отошел в сторону, посмотрел на меня и зажмурился.

- Что, муж мой?

Он открыл глаза, зрачки увеличились, счастье и восхищение читала я в них.

- Жена моя.

- Да.

- Ты очень красивая, таких женщин, как ты, нет в наших местах.

- Я твоя, Бурушка.

Он выдохнул, сжал меня крепко в объятиях, уткнулся в шею.

- Услышала от Мариши, она тебя так ласково называет иногда.

Белогор взял меня за руку, подвёл к зеркалу. Из отражения смотрела другая я.

- Стеша, Мариша сшила платье, такие носили когда-то ведьмы.

Платье из плотного шелка с глубоким круглым вырезом у горла, с узким рукавом до локтя и очень объёмным и расклешенным от локтя и до запястья, с широкой юбкой в складку, с разрезами спереди и сзади, под разрезами подъюбка на тон светлее. Платье темно-зелёного цвета, на талии широкая шнуровка, что собиралась по спине, подгоняя наряд по фигуре.

Я видела ведьму в зеркале, да. Вот такими я их и представляла! Вот такой я и хочу быть: красивая, уверенная, влюблённая, нет - любящая и любимая, сильная в своих знаниях глубинных и в уважении к себе, независимая, хоть и при мужчине. Независимость - это не одиночество, нет, это способность поступать по своему сердцу, не бояться выражать мысли, быть в ладу со своим внутренним миром и идти своим уникальным путём.

Я подошла к отражению ближе. Я выглядела намного моложе своего земного возраста. Мои глаза стали ещё ярче, зелёный цвет переливался - вкрапления светло-зелёные придавали глазам блеск, кожа лица, декольте светлая и упругая, белокурые волосы преобрили кудри, красиво завивались. Я перекинула косу и расплела её, потрянула кучерявой гривой, рассыпая их по плечам. Да! Именно так! Я нравилась себе!

- Аглая!

Я почти носом задевала поверхность зеркала, уже второй раз, рассматривая отражение, я вспоминала Аглаю, желая поговорить с ней, позвать её, призвать.

- Я призываю тебя в этот мир! Я исцелю тебя! Ты мне нужна для исцеления!!!! Аглая! Я призываю тебя!

Это шло от сердца, и я доверилась своему духу, душе. Я поняла всем сердцем, что я хочу исцелить женщину с Земли, кроткую, и в тоже время сильную - Аглаю, что замаливала своих родных перед Богом.

Закрыла глаза, пребывая в своём призыве. Почувствовала сильные крепкие надежные руки Белогора, он обнял меня со спины, я откинулась на его грудь, открыла глаза. Мы смотрели в глаза друг друга в отражении зеркала.

Белогор был выше на целую голову, его синь глаз и моя зелень, были как небо и крона деревьев.

- Я тебя почувствую везде, где бы ты не находилась, моя любовь, моя ведьмочка, красавица моя. Твои глаза, как весенние листья.

- А твои как Сурия, как весеннее небо.

- При встрече я поклонюсь в ноги Аглае, поблагодарю её за тебя.

Я проглотила ком. Он верит. Верю и я.

Взявшись за руки, мы пошли во двор.

20.

Не было снега вообще! Оборотни в летней одежде так же деловито сновали по двору, но в каждом движении чувствовалась радость жизни. Кустарники по периметру двора стояли в первой нежной зелени. Небо было чистое и ясное. Солнце ярко светило.

Это не просто смена сезона — это торжественное возвращение жизни после долгого сна. Весна, которую ждали до боли в сердце, до снов о зелени, до щемящей тоски по теплу - так говорил Белогор мне.

Она пришла не по календарно, а вдруг — и мир поменялся за один день.

Я вдохнула полной грудью. Еще вчера воздух был колючим, морозным, а сегодня – мягкий, бархатный, со сладковатыми нотами, еще пахнет чуть-чуть талым снегом, влажной землёй и...обещанием. Обещанием жизни.

- Как же хорошо, Белогор!

- Да!

Он тоже стоял и дышал глубоко, поднимая лицо к солнцу.

Нас увидели, стали подходить, здороваться, кланяться, смотреть.

Все улыбались, держали руки у груди - знак благодарности, привязанности и преданности.

- Спасибо вам, мудрые, трудолюбивые, преданные волки!

Спасибо! – говорил владыка.

Мы с Белогором вышли в центр двора, и он обратился ко всем, кто подошел к нам. Сарп, Ханна, Гарма, Радиана, Мариша, Миро уже стояли возле нас, еще подходили и подходили оборотни.

- Спасибо, отважные и преданные волки и волчицы, что выстояли, смогли, что были со мной, когда чьё-то злое сердце решило убить меня. Спасибо! Спасибо Миру, что ожил вместе со мной, подарив мне истинную пару, мою любовь, мою жену Стешу.

Все захлопали, загудели.

- Всё было не зря, я вернулся, весна вернулась, зверь мой проснулся, и всё это благодаря моей паре, Стеше.

Белогор поклонился своему народу, я тоже склонила голову.

- Ты ведьма? – спросил чей-то тоненький голосок.

Я опустила голову, ища хозяина голоса. За юбкой женщины, что стояла рядом с двумя черноволосыми мужчинами, прятался чернявый мальчик, лет шести.

Мать посмотрела на него строго, шикнув.

Но все оборотни вопросительно на меня уставились, замолкли. Я понимала: всем это интересно, и ребенок лишь отражение разговоров взрослых, он искренен, честен, нетерпелив, как все дети.

- Как тебя зовут? – я заглянула за спину его матери, ища взгляд.

- Кайден, что означает «дух битвы», - смело произнёс мальчик, выходя.

- Очень красивое имя, Кайден. А меня зовут Стеша, и да, я ведьма.

Прошёлся коллективный вздох.

Он оживился.

- А что ты умеешь?

Все опять притихли. Белогор смотрел на меня, улыбался, но в глазах его я заметила тревогу.

- Я исцеляю недуги.

- И всё?

Похоже я разочаровала мальчугана, весело рассмеялась.

Отсмеявшись, увидела, что все смотрят на меня, как на чудо.

Волчица взяла Кайдена за руку, притаскив к себе, сводя брови.

- Может и ещё умею что, поживём – увидим. Спасибо вам всем за гостеприимство.

Миро сжал губы, Мариша улыбалась.

- Мы в стаю, к закату вернёмся. Ужин во дворе праздничный сегодня. Мариша, позаботься, пожалуйста, и спасибо тебе за всё.

Волчица что-то шептала, подошла к Белогору и обняла его за талию, он наклонился, обнял в ответ свою приёмную мать, добрую и смелую волчицу. Пряча слезы, украдкой вытирая их, Мариша обняла и меня, я крепко обняла эту пре-

красную добрую женщину в ответ. Меня здесь приняли, я пришлась ко двору, и я так была рада этому, хотелось сказать об этом, поблагодарить каждого, обнять каждого. Но не стала этого делать сейчас, решив спросить у мужа, и сказать за ужином.

Все захлопали опять, радостно зашумели. Мы пошли до ворот, вышли за пределы двора, направляясь к лесу. У кромки леса Белогор обернулся медведем, встал на лапы, поднял нос, шевеля ноздрями, пробуя на вкус весну, потом опустился брюхом на землю, и я залезла верхом на огромного зверя, не чувствуя ни капельки страха, зато чувствуя взгляды оборотней. Обернулась, помахала. Мне помахали в ответ.

Мой медведь шел медленно, я понимала, что он не просто наслаждается встречей с весной, он наслаждается жизнью: возможностью передвигаться, видеть, вдыхать – всем. Я молчала, созерцая красоту кругом, не мешала ему быть в этом таинстве и буйстве жизни.

Лес был огромный. Густой. Еще местами лежали последние грязно-серые островки снега, но и они уже были рыхлыми, даже из-под них пробивалась первая трава – не зелёная ещё, а желтовато-бледная, трогательная в своей наготе.

Мы с Белогором не могли надышаться. Медведь вдыхал воздух, как вдыхал мою кожу: жадно, ненасытно, сладко, то часто, то вдумчиво долго и протяженно.

Земля тоже дышала, дышала паром, от неё шел запах чер-

вей, корней и пробуждения. Солнце ласкало щедро, без ску-
пости зимы, проливая свой теплый, как парное молоко, свет.

На деревьях уже набухли почки, лоснились как животы
беременных женщин, что я трогала много-много раз. На
многих деревьях уже висели сережки – пушистые и желтые
как цыплята.

Мы пробирались вглубь. Мой медведь кайфовал, фыркал,
чихал, даже смеялся, его вибрации отдавались по всему телу,
и я чувствовала это бедрами. Он останавливался у деревьев,
терся носом и мордой о кору, вдыхал её, порывивал, тряс
мордой, слизывал влагу с веточек.

Я увидела поляну подснежников, еще нераскрывшихся
бутонов мать-и мачехи, фиалок – все возможные первые цве-
ты, без очереди, решили порадовать своим пробуждением.
Услышала свист, щелчки, трель – скворцы.

Лес жил. Он был не безмолвный, как долгие зимние го-
ды, он был живой. Я покрылась мурашками от тепла и вла-
ги, ехала на медведе, огромном буре медведе! и улыбалась
весне. В ней виделось ощущение начала – будто сама жизнь
даёт второй шанс всем: жителям, Белогору, мне, Осии.

Эта весна, я понимала, научила всех жителей, кто не по-
кинул стаю и не оставил Белогора (а были и те, кто уплыл к
эльфам, драконам и оркам) – надеяться. Белогор сам пред-
ложил оборотням стаи выбирать земли, удобные для жизни,
попросил у соседей гостеприимства, заплатив хороший на-
лог. Весна научила ждать тех, кто остался, верить, даже, ко-

гда кажется, что холод будет вечным, что деревья уже никогда не зазеленеют – они зазеленеют! Весна прощает всё: уныние, отчаяние и дарит новый старт без упреков. Она доказала, что всё проходит. И плохое. И хорошее. Долгожданная весна для жителей Осии – это не просто тепло, это вздох жизни, будто она говорит сейчас: «Я вернулась! Всё будет хорошо!»

И все жители, и я в том числе, верим безоговорочно.

Я наклонилась и обняла за шею своего мужа, благодаря его за него же, что он встретился мне, за то, что я полюбила его всем сердцем, что он любит меня, за эту весну, будто сама жила в спячке. А я и была в спячке, ходила, работала, но суть моя спала, ждала. Я уткнулась носом в шерсть медведя на загривке.

Медведь остановился, повернул морду и широким языком лизнул меня по лицу, ещё раз. Слюнявый, шершавый, огромный язык прошелся смачно по щекам, носу и губам, я засмеялась, вытираясь о шерсть. Мы ступали дальше.

Отдаленно слышались голоса. Звуки леса стали смешиваться со звуками жизни оборотней: разговоры, стук топора, запахи еды.

У дерева я заметила старика. Белогор тоже его увидел, остановился. На солнечной стороне ствола могучего дерева сидел пожилой оборотень с закрытыми глазами, подставляя лицо солнцу, по его щеке текла слеза. Это не слеза боли, я чувствовала это, а слеза признательности за то, что дожил.

Снова.

Белогор подошел к оборотню, тот открыл глаза, поднялся на ноги, посмотрел на нас и зарыдал, не стесняясь своих искренних чувств, смеясь и ругаясь от восторга одновременно. Медведь боднул его в грудь мордой, тот захватил моего мишку в обнимку за шею, порывая, продолжая плакать, обнимал крепко.

- Ведьма! Дождались! Красивая, как сама весна! Дождались! Вернула владыку! Вернула весну! Дож-да-лисссь...

Я вернула жителям Осии надежду. В душе я чувствовала не гордость, я чувствовала радость, это очень разные чувства, очень. Это тихая улыбка внутренняя. Кажется, я начинаю понимать Аглаю, исцелиться не в прямом смысле убрать недуг у кого-то, а искоренить недуг у себя. Гордыню, да. Я посмотрела на медведя: владыка Белогор, могуч и силен, прост и честен, внимателен и тактичен, обнимается с пожилым оборотнем, делаясь своей радостью искренне.

Я вспомнила себя: чувство собственной важности, суетность, работа без меры, обидчивость, высокомерное использование терминов и слов, которые собеседники не знали и не понимали, повышение голоса в злобе и досаде, нежелание делиться своими эмоциями, мысли о необходимости решать чужие проблемы, когда тебя совсем не просят, нда...

Мы втроем заходили в поселение оборотней.

21.

Я всё детство провела в деревне, мне нравилась её атмосфера: неспешный ритм, чувство природы, наблюдение за ней, ведь от погоды зависел режим всего дня. Город, несомненно, красив, многолик и амбициозен, особенно какой-нибудь мегаполис, особенно столица – пафос, достижение, признание, яркость, а вот за городом наступает тишина, всё важное, что так ценилось в городе, словно становится не таким уж и важным. Заходя в стаю, я ожидала увидеть, как на картинках в книгах из библиотеки Белогора: шалаши или невысокие домики, а моему взору предстала настоящая деревня.

Первое, что меня поразило – это дороги, дома были не просто в лесу. В лесу была построена деревня. Вырубленные деревья, дороги протоптанные, посыпаны насыпью, похожей на гравий мелкий. На входе старый дуб – указатель. Мы прошли дуб, нам навстречу шли люди, правильнее - оборотни: женщины, мужчины, дети. Белогор, не сбавляя шага, шел вперед.

Мой мишка остановился на поляне, нас окружали жители, старичок-оборотень, что был с нами, затерялся среди своих. Местное население выстраивалось в кольцо в несколько рядов: женщины перед собой располагали детей, за женщинами - мужчины.

Я посмотрела по сторонам, моему взору попались несколько домов. Двухэтажный из темного бруса с резными наличниками в виде солнц и цветов, с крыльцом и палисадником. Чуть поодаль покосившаяся, но ухоженная изба. Дальше - новый дом, видно по брёвнам смоляным, из трубы валил дым - печка готовит еду. Настоящая деревня.

Жители. Темноволосые оборотни жадно и восхищенно смотрели на нас. Медведь лег на землю, все выдохнули шумно, я слезла, встала рядом с Белогором.

Он поднялся на задние лапы и зарычал громко, его рык отдавался в моё тело силой дикого зверя, короля этого леса, владыки. Я гордилась своим мужем. Жители склонили головы. Все, даже дети.

А потом произошло то, чего я не ожидала, не представляла. Все жители стали увеличиваться, обрастать шерстью и предстали волками. Черные огромные волки, миниатюрные черные волчицы, маленькие темные комочки - малыши и волчата – подростки. Это было круто! Я одна стояла в человеческом облике, ощущая первозданную мощь, силу, невероятную энергетику. Звери смотрели умными глазами желтого цвета. Мой медведь ещё раз заревел, громко, протяжно, мощно, и все волки завyli, поднимая морды к небу. Это было сильно! Мне захотелось подняться в воздух, как настоящей ведьме, покружиться над ними. Да!

Потом Белогор и все оборотни приняли облик человеческий, из холщовых сумок, не спеша, накидывали на себя ру-

бахи, штаны, платья. Никто не стеснялся наготы, вернее, не так, никто не смотрел ни на кого, всё было проделано без суеты, но отлажено. Мой муж меня обнял, прижимая к своему боку.

Белогор был крупнее мужчин оборотней-волков, выше и красивее. Медведь!

- Волки, волчицы, волчата! К нам пришла весна, мой медведь проснулся. Я был проклят заговором на смерть, моя жена излечила меня, я обрел истинную пару.

Все молчали, смотрели на нас.

- Моя жена – ведьма, что вернула меня к жизни, исцелила. Её зовут Стеша. Она дарована нашей Осии. Она целитель.

Все захлопали, забасили, заговорили, кто-то обнимался, ребятки подпрыгивали.

- Волки! Вы самый преданный, смелый и отважный народ. Мой народ!

В стае нет предателей, их мы не прощаем, как и не прощаем тех, кто желает смерти из-за зависти, корысти, власти, ведет нечестную жизнь. Таким – позор! Смерть! Изгнание!

Мужики забасили, соглашаясь, кивая головами.

- Я знаю, вы и зимой не выживали, а жили, смелые трудолюбивые волки, выращивали свою судьбу даже в лютый холод. Счастье измеряется достоинством, вы все достойны счастья. Спасибо вам! Самая большая роскошь – знать, что за твоей спиной десятки сердец, готовых поддержать.

Все жители склонили головы.

- Белогор, свадьба когда? – из толпы раздался веселый бас.

Настоящие деревенские мужики! Хватило им пафосной речи владыки, они работяги, им работать, любить и веселиться. Я уже их обожала.

- На полнолуние в стае Мариша проведет обряд! – сказал мой муж, прижимая меня к своему боку.

Я видела взгляды и мужчин, и женщин. Да, я отличалась, была мельче, миниатюрнее волчиц, ну и цвет кожи, глаз, волос, конечно.

Толпа радостно зашумела.

- Владыка, а жена ваша и вправду ведьма? Волосы и покрасить можно, не велика наука.

А вот этот вызов мне не понравился. Не было в словах доброты, зависть была, я её считала мгновенно. Молодая красивая черноволосая волчица с сосками стоячими под холщовым платьем, высокой девичьей грудью, темными очами высокомерными сверлила меня. Видать влюблена в Белогора моего. По телу прошла волной жаркой оценка ситуации, я стала прислушиваться к себе. Не поддамся. Я ведьма. Пошалить вот можно!

Я такой не была еще вчера. Я бы стервозно и высокомерно заткнула бы девицу, щелкнув зубами от счастья, опускаясь до её же поведения. Сейчас я прислушивалась к себе.

Так и стояла, спокойно выжидая. Вопрос был к мужу моему.

Белогор прижал меня крепче к себе, наклонился и поце-

ловал при всех в губы, нежно касаясь лишь.

- Да, вправду, Варка, - сказал спокойно муж.

Женщины зашипели на неё.

- Не позорь отца, Варка, - услышала я чей-то тихий женский укор.

- Отец мой замерз этой зимой, застыл, околел, я одна осталась.

Она на Белогора уставилась, прищуриваясь.

К волчице подошел молодой оборотень, стал успокаивать, видать ухажер, она его руки отпихивала от себя, злилась.

- Кости у него ныли, лапы не двигались почти, сама же знаешь, он бы и летом издох, - буркнула пожилая волчица.

Завистливые бабы, они и в Африке завистливые бабы.

К нам с Белогором подошел мужчина коренастый, высокий, бородатый.

- Приветствую вас, Луна нашего владыки, не гневайтесь на Варку, пристроим волчицу, вон - сын беты к ней сватается, угомонится.

- Стеша, это альфа стаи - Даркаф, - представил нас Белогор.

- Я не гневаюсь, Даркаф, здравствуйте.

Все притихли, слушая мой голос.

- Белогор, Стеша, пройдемте в мой дом.

Затем альфа обратился к жителям:

- Стая, после захода солнца праздник, а сейчас по делам.

Белогор приобнял меня за плечи, и мы пошли за Дарка-

фом.

- Робкая ведьма у нашего владыки, поджала хвост под тепленьким-то боком, мы тут собрались, ждали, ничего особенного, девка белая – вся невидаль, хилая, - не унималась Варка.

Тут мой муж напрягся, остановился. Так, надо дела женские в свои руки брать.

- Милый, - я подняла глаза на Белогора, брови свел, губы поджал, - позволь, скажу ей пару ласковых.

- Стеш, я сам могу, заткну её в одно слово, хоть волчиц и намного меньше в стае, это непозволительно.

- Не надо, любимый, глупая она.

Он мягко посмотрел на меня, вздохнул, прислушался.

Мы шептались. Стая стояла в гробовой тишине. Слух у оборотней отменный, мы с Бологором это знали, конечно, но мы шептались, тыкаясь носами в уши друг друга, да.

Я развернулась к оборотням, все потихоньку расступились, Варка стояла одна. Для бравады волчица упёрла руки в боки, задрала подбородок, наклонив чуть голову. К ней подошёл молодой волк. Защитник, трогательно.

Я прислушалась, на деревьях трезвонили птицы, посмотрела на светло-зеленую крону. Оборотни синхронно провожали взглядом все мои движения. С веток вылетела стайка из несколько десятков птиц, собралась в кучу у дерева и полетела к волчице, поднялась над её головой, образуя плотный зонт, приготовившись пульнуть помётом. Варка выпу-

чила глаза, отошла в сторону, зонт из птиц за ней. Она умоляюще на меня посмотрела. Быть в птичьем помете перед всеми – позор на всю жизнь. Жители начали хохотать.

- Варка, посмотри кругом, красота какая! Радуйся весне, волчица, красоте своей радуйся, молодости, цени того, кто заботится о тебе, посмотри на него – это награда! А то не туда смотришь! - я глядела в её глаза, проговаривая это.

Во мне бурлила сила, смешинка. Я улыбнулась.

- Хорошо, Варка?

- Я поняла, ведьма, - зыркнула своими карими очами волчица.

Я задрала подбородок и легонько подула в сторону Варки, ветерок пронёсся, птицы вернулись на прежнее место, галдя.

Все были поражены, я и сама была в шоке. Мне понравилось! Ах, как мне понравилось!!!!

- Её слушают птицы, - слышала шепотки и улыбалась.

Белогор поднял меня на руки, занося в дом альфы.

- Стеша, ты лесная ведьма, - в висок шептал мне муж, прижимая меня к груди.

Я слышала, как колотится его сердце.

- И что, Белогор? Это страшно?

- Ты королева, владычица леса, моя жена.

- Бурушик мой, мне бы лечебницу, руки чешутся, с владычеством ты как-нибудь уж сам управляйся, а.

Медведь мой засмеялся.

Даркаф смотрел на нас с грустной улыбкой, пригласил к

столу. Нас обслуживала пожилая взрослая волчица, очень похожая на Маришу.

- Я сестра Мариши, Луна, Зули я, - словно читая мой вопрос, пояснила оборотница.

Мужчины говорили о делах стаи, я смотрела в окно, любясь видами, потом помогла Зули заварить травы, обмениваясь радостью, что наконец-то пришла в Осию.

- Владыка, демон объявится, - утвердительно сказал альфа, когда я отошла от стола.

- Знаю, - сказал строго мой муж, как обрезал.

Я развернулась, посмотрела на Белогора, подняла брови.

- Мы домой, Даркаф, сегодня праздник!

22.

Я снова ехала верхом на медведе, чувствуя под руками его густую плотную шерсть, утопила пальцы, стараясь добраться до кожи. Волосяной покров был длинный и густой, с плотным подшерстком.

- Мой мишка! - я захватила в кулаки шерсть и потискала. Белогор порыкивал, радуясь.

Закрыла глаза, вдыхая лесной воздух, ловя тепло и лучи солнца, что, пробиваясь через деревья, попадали на лицо.

- Не бойтесь, птички малые, - я расправила руки в стороны, не открывая глаз.

Медведь ступал не спеша, и я словно плыла.

Через несколько секунд на мои руки, плечи, голову стали садиться птицы, улетали, возвращались, принося в клювах листочки, первые весенние цветы, вплетали в волосы. Я тихо сидела, наблюдая за творением.

Во двор владыки я въехала верхом на медведе вся в цветах весенних - птицы разукрасили волосы по всей длине. Сердце моё плавилось от благодарности этому миру, я понимала, что все в лесу также, как и жители, рады пробуждению. Мне захотелось обнять всех живых существ, окутать любовью, закатить пир, потанцевать. Во мне росла ведьма, дарующая, ведающая, знающая! Ух! Хорошо-то как!

Мариша, Гарма, Радина и еще несколько женщин смот-

рели, как я спустилась с медведя. Зверь пошел за дом, не стал мой благоверный бубенцами своими колокольный звон устраивать перед женщинами. Молодец!

Через мгновение из-за амбаров вышел Белогор, осматривая жадно меня. Глаза его потемнели, он широкой уверенной поступью двинулся в мою сторону, не отрывая глаз от меня, еще шаг, ещё, грудь его вздымалась высоко, поднял меня одной рукой под ягодицы, я ухватилась за шею его. Быстрым шагом, не видя никого вокруг, он нес меня в спальню, да. Возбуждение моментом охватило тело, падая горячим потоком в промежность. Я тихо простонала.

Закрыв дверь, поставил меня на пол, легко и быстро коснулся губами губ, словно не мог уже держаться, хаотично и быстро стал развязывать шнуровку, платье упало на пол, порвал в нетерпении сорочку, бюст и трусики и стал целовать мои ноги, икры, колени, бедра, дошел до промежности, сел на пятки и уткнулся носом между половыми губами.

- Буууррр, - я вцепилась в его волосы.

Что он творит? Невыносимо остро, невыносимо прекрасно. Я была оголена и накалена до предела. Коснись меня сейчас, где угодно, и я начну кончать бурно. Я была мокрая, промежность горела, пульсировала, хотела. Ох!

Широкий горячий язык мужа вошел между половых губ. Белогор уткнулся в клитор носом и задышал.

- А! – я выдохнула со стоном, оргазмируя ему в рот.

Он мял мои ягодицы, вылизывая меня, причмокивая, за-

крытыми глазами пил, всасывал, дышал хрипло, готов был съесть. Я пропадала от такой нежности, ненасытности, любви, желания, похоти, страсти.

Белогор тряс головой, захватывая плоть губами, стонал и мычал от восторга, ноги меня не держали, я заваливалась. Белогор лег, я распласталась на нем, он захватил мой рот, я чувствовала вкус своей смазки. Как вкусно! Я сама стала лизать его лицо, свои соки, он порывивал от счастья. Я поднималась, качая грудями, он ущипнул соски, покрутил, и я, поднимая зад, села на его твердый пенис. Мы простонали в голос одновременно. Все в мире продумано, да, мужчина для женщины, все дырочки в женщине для удовольствия, пенис для вагины.

Я откинула голову, ощущая, как осыпаются цветы, чувствуя себя самой любовью. Белогор схватил жадно груди, смял, и я затряслась в конвульсиях нового яркого оргазма.

Уткнувшись в метку на шее, Белогор хрипел, содрогаясь в блаженстве.

- Ты весна и есть, Стеша, весна и есть. Живая, сочная, яркая, красивая, долгожданная, — говорил мой муж, доставая цветочки из волос, любуясь мною.

Мы лежали на полу. Я голову уместила удобно на предплечье мужа, он ногами окутал меня.

- Я Зули пригласила в гости, ты не против?

- Конечно, не против. Мариша будет счастлива, раньше они чаще встречались, зима всех держала по домам.

- Даркаф её сын?

- Нет, Стеша. Отца Мариши и Зули загрыз Вархан - альфа стаи, чья злоба не знала границ. Мать их вскоре умерла, прожив без пары недолго, он же загрыз и отца Даркафа - всех потенциальных вождей. Загрыз не в одиночку, а нападая группой, в нечестной схватке. Меня нашла Мариша, Даркафа вырастила Зули. Сестры истинных своих не встретили, отдали нам всю свою заботу, нежность. Мы с Даркафом выросли вместе, он мой брат, хоть и не по крови. Я убил Вархана в честном поединке, меня старейшины провозгласили хозяином леса. Даркаф держал бой с бетой Вархана.

- А у Даркафа нет жены?

Белогор приподнял голову, посмотрел на меня, сведя брови. Я захохотала.

- Нет, он ждёт свою пару, как и я когда-то.

- А по сколько вам лет, Белогор?

- Мы с Даркафом родились оба весной, нам по 240 уже.

Я как кол проглотила, вытянула челюсть.

- Ты хорошо сохранился, мне тридцать восемь, и лет через тридцать я буду, как Мариша.

Теперь Белогор захохотал, запрокидывая голову.

- Стеша, ведьмы вечно молоды, уходят, когда сами решают. У нас с тобой долгая и счастливая жизнь, любимая моя ведьмочка.

- Белогор, а теперь Расскажи-ка мне про демона, почему ты так напрягся в доме альфы?

Он привстал, меня взял в охапку и перенес на кровать. Сел напротив. Я видела в его глазах любовное.

- Я очень рад, что моя жена внимательная и смелая. Ты такая моя, Стеша, такая моя.

Он вздохнул.

- Стеша, твой муж с прошлого мира может тебя искать?

- Павел? Нет. Мне Аглая говорила, что он женится, благополучно всё у него сложится на Земле. Буруш, демон этот похож на одного...

- Как ты назвала меня?

- Буруш, Бурушик, Бурушка, твой медведь бурый, вот. Тебе не нравится?

- Очень нравится, очень. Ласково у тебя получается.

Он уткнулся носом в живот мой, укладывая меня, подминая под себя.

- На кого похож демон, Стеш?

- Один мужчина предлагал ухаживания, я отказалась, потому что у него семья: жена, сын. Всё, мы больше не виделись. Вряд ли это он, похож чем-то и всё. Да и как он сюда смог попасть? Больше он мне никого не напоминает, не знаю его. Я подглядывала из окна.

- Я знаю.

Я посмотрела на мужа, округлив глаза.

- Я наблюдал за тобой, ведьмочка моя, прислушивался, ты покорила меня с первых минут.

- А если бы твоя истинная была с изуродованным лицом,

Белогор?

- Мне было бы очень жаль её, я бы привык, а вот она бы стеснялась всю жизнь. А скакал к тебе той ночью, нет, летел, хотел просить тебя не стесняться меня, ходить без тряпки на лице, когда мы наедине, видел, что она мешает тебе.

Я обняла мужа и тоже уткнулась носом ему в шею.

- Стеша, демон ищет белокурую ведьму с зелёными глазами по имени Стефания. Сейчас демон прочесывает эльфийские и драконьи земли. Он могуч и силен, высший уравни-тель добра и зла, тот, кто возродился, искореняя в себе худ-шее, пороки, обрёл добродетель и знания жизни. Он узнает, что мы были в стае, и что ты – ведьма, явится с расспросами.

Я замерла. Белогор поднялся на локтях, навис надо мной, взял в ладони моё лицо, в его глазах пульсировало одно: «Пусть это будешь не ты!»

- Стефания – моё полное имя.

Он опустил голову, утопая в моей шее носом, молчал. Молчал.

- Белогор, я не хочу прятаться...

- Нет-нет, мы не будем прятаться, встретим его ещё раз, поговорим. Всё будет хорошо, любовь моя, всё бу-дет хо-ро-шо...

Ему было тяжело, я это чувствовала. Жена – ведьма, еще и какой-то демон, который ищет Стефанию. Мне самой было не по себе. Ладно, будем по ситуации принимать решения.

Милые читательницы! Спасибо, что читаете! Ваша звездочка согревает и вдохновляет!

23.

*Очень-очень рада, что пошли со мной в историю ведьмы!
Спасибо вам!*

За окном слышался галдеж. Ханна весело и бойко раздавала команды. Я надела зеленое платье от Мариши, оно, собственно, одно у меня и было, Белогор – рубаху светлую, штаны зафиксировал ремнем, и мы пошли во двор. Владыка светился весь. А мне хотелось деревенской гулянки: веселой, залихватской, душевной.

- Белогор, а свадьбу где праздновать будем?

- В стае.

- Да, я хочу там.

- Через три дня полнолуние, будем гулять от души, жена моя. Даркаф уже поручил волчицам готовить блюда, Сарп с Ханной будут им помогать.

Во дворе стоял длинный стол, сколоченный из досок, и скамьи, покрытые тканым полотном, похожим на половики в русских избах. На столе возвышались горы пирогов, дымящиеся чугунки с томленным мясом, глиняные крынки с распаренным пшеном, пиалы с вареньем. Я заметила: еда у оборотней была без изысков, ели сытно, вкусно и однообразно. В тарелках не принято было оставлять еду после себя, накладывали ровно столько, сколько съедали.

Все, кто жил при дворе, расселись, улыбаясь. Жителей двадцать собралось за столом. Все свои. За стол сели все: матерые оборотни-хозяйственники, охранники и молодые оборотни, что еще набирались опыта. Дети, их было немного, тоже были с родителями. Насчитала три семьи, так как волчиц всего три и четверо мальчиков от года до шести

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.